НИНА ЗИМИНА

СИНЕОКАЯ КНЯГИНЯ

ИЗБРАННОЕ

часть первая

2017

Книга увидела свет благодаря
друзьям поэтессы –
участникам литературного
объединения «Плавка»,
белорецким журналистам,
а также всем, кто пожертвовал
средства на это издание.
Отдельная благодарность
Благотворительному фонду
поддержки социального развития
Белорецкого района и Центральной
библиотеке города Белорецка.
Книга издана к 75-летию
поэтессы Нины Зиминой.

Нина Зимина

СИНЕОКАЯ КНЯГИНЯ

Избранное

2017

84 (2Рос=Рус)6-5
З62

Редактор: И. Д. Калугин
Автор вступительной статьи: И. Д. Калугин
Редакционная коллегия: Е.В. Носова, Р.Г. Мухамедиев, Е.Н. Сухов, В.А. Донской, Т.М. Булавина, А.В. Тутиков, Е.Н. Ситнова
Дизайн обложки: С.Э. Дощанова
Корректор: Л.И.Гришина
Набор: О.Л. Королёва

Зимина Н. Н.
З62 Синеокая княгиня: избранное /Нина Николаевна Зимина; ред., авт. вступ. ст. И. Д. Калугин; Благотворительный фонд поддержки социального развития Белорецкого района Республики Башкортостан; МБУК «Централизованная библиотечная система» муниципального района Белорецкий район Республики Башкортостан; ЛИТО «Плавка». – Магнитогорск: ЗАО «Магнитогорский Дом печати», 2017. – 624 с.: [ ] фот.

Нина Николаевна Зимина – русская поэтесса и прозаик. Член Союза писателей Башкирии. Автор более двух десятков книг: «Радуга» (1984), «Незавершенный круг» (1990), «Живу любовью» (1991), «Последний листок на тоненькой ветке» (1993), «Стихи в подарок любимому» (1993), «Солнышко под вечер» (2000), «Белая птица счастья» (2006) и др. Стояла у истоков возрождения городского литературного объединения «Плавка», руководила литературным объединением «Четверг».

Духовные стихи — отдельная и самая яркая страница творчества Нины Зиминой. Ее по праву можно считать православной поэтессой. Она создала несколько стихотворных циклов на духовную тему. А книга поэтессы «И паче снега убелюся...» (2010) — это своеобразный поэтический перевод книги Псалмов.

В своих стихах Нина Зимина воспела Россию — Православную Русь. Ее творчество никогда не замыкалось в рамках провинциальных границ, хотя при жизни поэтесса не имела всероссийской известности. Потомкам еще предстоит оценить глубину ее таланта. Настоящее признание поэтического наследия Нины Зиминой — впереди.

ISBN 978-5-7114-0565-8

ББК84 (2Рос=Рус)6
© Н. Зимина, 2017 г.

АВТОБИОГРАФИЯ

Я – НИНА ЗИМИНА. Женщина «с ограниченными возможностями». Так принято теперь говорить о тех, кто не может ходить свободно и легко. Я была очень подвижным, смелым ребенком. Дед называл меня «самолетом».

А в 6 лет перенесла полиомиелит в очень тяжелой форме: отказали ножки и ручки. Через год начала ходить. Мама на руках носила меня в первый класс.

По карте жизненной моя блуждает память.
Пытаюсь разглядеть извилистый свой путь.
Я – вольное дитя.
И Бог решил направить
В меня, бегущую, стрелу, чтоб отвернуть
От гиблой пропасти,
И возложил подранка
На руки мамы, словно на крыло
Святого Ангела Хранителя.
И Странник
Повел меня сквозь боль, сквозь сумрачное зло
К рассвету…

Потом помогли Евпаторийские грязи. Но высокая ступенька осталась для меня препятствием, и если падала, не могла подняться без помощи. Поставила цель: быть впереди идущих, бегущих, прыгающих. Была председателем пионерского отряда в школе. Пела в хоре и соло. Позднее в ДК солиро-

вала в эстрадном оркестре. Полюбила сцену. Если бы носили меня легко ноги, то держала бы экзамен в консерваторию. Бог даровал мне сильный голос. Пела «Жаворонка» Глинки, «Серенаду» Шуберта и др. С серебряной медалью окончила школу.

Где-то в классе 7-ом стала писать стихи. Любовь к литературе привела меня в пединститут. Училась очно в Магнитогорске. Мне всю жизнь везло и везет на хороших людей. Теперь я твердо знаю: если Бог хочет помочь человеку, он посылает к нему другого человека. Декан литфака устроил меня в общежитие при институте.

В институтском литобъединении совершенствовала пробу пера.

После института вернулась в родной город. Двенадцать лет отдала школе. Потом – винтообразный перелом правой ноги. Вытяжка. Полгода – в гипсе. Впервые обратилась к невропатологу. Она удивилась, почему я с таким «тетропарезом» (до сих пор не знаю, как правильно это пишется) никогда не обращалась к врачам. Один раз я обратилась, когда в институте мне предложили путёвку на курорт. «Вам это не поможет, – «обрадовала» врач, – смиритесь».

После перелома пришлось оставить школу. Дали мне первую группу инвалидности. Было очень горько. Но зато появилось время для творчества. К тому времени мои стихи и рассказы уже печатались в местных газетах. Тут и любовь пришла. Вышла замуж за писателя-журналиста. Для него ничего не значила моя инвалидность. Да и сама я опять старалась быть впереди бегущих: шила себе наряды, пекла пироги и торты, придумывала супы и – писала стихи, прозу.

…Шла я, спотыкаясь
О камни и о заступы греха,
Превозмогая слабость духа, каясь
На строчках сотворённого стиха.

Играли грозы, бесновались ливни,
И было половодье жуть-страстей.
Шла благодать от маминой молитвы,
От Богородицы – за всех Её детей.
И Странник мой держал меня за плечи,
И к небу поворачивал лицом.
Земные вёрсты упирались в вечность.
Бог лил Свой свет и на моё крыльцо.

Порой соблазн уютно устроиться под широким подолом госпожи Известности туманил моё сознание, хотелось расширить жизненные горизонты, но я вынуждена была вращаться в замкнутом круге, как коза среди цветущей поляны, привязанная к колу: видится далеко и широко, соблазн воли большой, а верёвочка коротка да и кол вбит крепко. И только воображение увеличивало до беспредельности длину этой верёвочки и позволяло мне в зависимости от настроения скакать по цветущей поляне и даже парить над ней...

Но парить долго не удавалось. В 1996 году – перелом шейки бедра. В 2002 – смерть мужа. Без него я уже не могла выходить из дома. Но мои стихи и рассказы со страниц газет ходили в гости к разным людям и приводили в мой дом гостей, многие стали близкими друзьями. Я помогаю молодым поэтам. Руковожу литкружком. Собираемся у меня ежемесячно по четвергам…

Свой солидный возраст я не ощущаю. В стихах – моя жизнь, мое мироощущение. У меня нет ничего, где бы я особо печалилась, отчаивалась. Солнечность – моя стихия. В последние десять лет я придумываю мелодии на свои вирши, сочиняю романсы. Их поют под гитару. Школьники и студенты пишут рефераты по моим стихам и прозе. Читают на различных конкурсах. Это меня греет. В этом – мое счастье.

Свои стихи на тему православия я посылала Патриарху всея Руси Кириллу. Получила благодарность от Его Святей-

шества и благословение на дальнейшее творчество. Рада очень. Хочется закончить автобиографию стихом по мотивам Пятого псалма царя Давида.

О, Господи! Мой Царь! Свет утра от Тебя.
Перед Тобою вновь предстану я
И помолюсь. Услышь меня, услышь!
О, как блаженна утренняя тишь!
Ты – в этой тишине, Ты зришь меня,
От оговора вражьего храня.
Ты отвергаешь всех, кто зол душой
И кто пронзает свет любви стрелой,
Кровавя трепетное сердце.
Как распознать таких соседство?
По милости Твоей войду в Твой дом –
Светло и празднично мне в нём.
Главу склоняю в страхе пред Тобой.
И темен, и лукав порой мой путь земной.
Наставь меня, открой мне правды суть –
И будет прям к Тебе и светел путь!
Отринь врагов и накажи их, Боже,
Всех тех, кто оскверняет Свет Твой ложью.
Воспрянут и возвеселятся те,
Кто ладит путь к Небесной Высоте
И ставит ногу на Святой порожек.
Благослови к Тебе идущих, Боже!

НИНА ЗИМИНА,
2013 год

СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧИК В ГРУДИ

Штрихи к портрету

Первое стихотворение она написала в седьмом классе. И его опубликовали в местной газете.

Стихотворение давно забыто. Поэтесса вспоминала только, что оно было о весне и любви. Любовь всегда оставалась главным мерилом ее творчества. О чем бы она ни писала – всегда в ее строках торжествовала Любовь!

Сегодня ее стихи трудно раскладывать по тематической направленности, потому что, так или иначе, – все они о Любви. Это Любовь к Богу и человеку. Это трогательная и даже детская любовь ко всему окружающему. Любовь на уровне блаженства! Первый весенний лучик – и это счастье! Свист синицы за окном – и в душе восторг! Особенно, если в последние годы мир поэтессы ограничился рамками окна.

Я насыплю слова, как зерна,
На тетрадный лощёный лист.
И стучится в окно с повторами
Серебристый синичкин свист.

Те, кто будут читать этот сборник, непременно обратят внимание на такую особенность поэзии Нины Зиминой: она очень любила ласкательно-уменьшительную форму слов:

Заневестилась осинка –
На плечах горит косынка –
Словно изумрудная.
На весеннем бревнышке
Заиграло солнышко
В гусли самогудные.

В детстве Нина Николаевна сильно заболела. Казалось бы, пустяки – простыла после того, как искупалась в пруду, но вдруг отнялись ножки…

Название своего диагноза – полиомиелит – она не умела выговаривать до конца своих дней. Или не хотела.

Мама носила ее на руках, возила на консультации к всевозможным специалистам, молилась, плакала… Быть может, роптала. Впрочем, вряд ли… Потому что Евдокия Ефимовна была из той эпохи, где любая скорбь воспринималась как особый знак Божией любви. «Зачем ты читаешь Псалтирь, мама?» – однажды спросила ее Нина. Спросила, нисколько не осуждая. Это было, скорее, обычным любопытством…

«Придет время, и ты будешь читать эту книгу, дочка», – ответила Евдокия Ефимовна.

Не стану в подробностях рассказывать о тех мытарствах, которые Нине Зиминой пришлось пережить в детстве. Тем более, что сама она рассказывала об этом как-то вскользь, а я не был особо внимательным слушателем. Знаю только, что Нина перенесла несколько операций, причем, не самых удачных. Ходить она стала самостоятельно, но каждая ступенька, каждый бордюр были преградой – и порой непреодолимой. Но она сумела окончить пединститут и пошла работать в школу!

Двенадцать лет Нина Николаевна преподавала русский язык и литературу в вечерней школе. Некоторые ученики были старше ее. Нагрузка в школе была огромной. Она часами стояла на больных ногах, рассказывая великовозрастным ученикам о Пушкине, Фете и Тютчеве…

Только один раз Нина Николаевна позволила себе повысить голос на одного из учеников. Он вел себя развязно, и она почти крикнула: «Волков, вон из класса!!!»

– А он рассмеялся мне в лицо, – рассказывала поэтесса. – И с тех пор я поняла, что криком ничего не добьешься. Это унизительно для учителя. После этого дала себе зарок: никогда не кричать.

Повышать голос на кого-либо поэтесса не позволяла себе никогда.

В конце каждого дня, вернее, уже поздно вечером папа приезжал за ней в школу на мотоцикле. Хрупкая Нина (от силы сорок килограммов веса) садилась на заднее сиденье мотоцикла, как на лавочку, полубоком, ставя обе ноги на раму и тщательно держась за отцовское плечо. По-другому сидеть она не могла из-за болезни... Так и ехала до дома.

Ушла из школы только после того, как сломала ногу. Наступила новая эпоха в ее жизни – она полностью посвятила себя поэтическому творчеству. До этого стихи воспринимались ею как увлечение.

Врач-невролог, придя к Нине Николаевне, чтобы оформить инвалидность, изумилась: «Вы столько лет работали, хотя должны были бы получать пенсию по инвалидности!!! У вас же первая группа!»

Поэтесса посмотрела на нее своими ясными глазами, в которых всегда играла улыбка… Она была птицей, которая всегда хотела взлететь…А ей толкуют о перебитых крыльях – о какой-то инвалидности.

Золотое перо – не мое.
Никогда не слыла я жар-птицей,
А всего лишь – веселой синицей,
Что бесхитростно песни поет.

А ведь она взлетела… И высоко! Ее стихи читатели ждали в местной газете. Ей писали письма, звонили, приходили в дом, чтобы познакомиться. В нее влюблялись – в ее голос по телефону, в тот образ, который читался в каждой ее строчке.

Я, редкостная кокетка,
Смеюсь на бульваре счастья.
Весны удивленной ветка
Развеивает ненастье.
И если обида гложет,
И если душа – лохмотья, –
Кокетничаю… О, Боже!
Комочек земной я плоти.

Она была по-настоящему счастливым человеком! Знаете, какой есть простой критерий счастья? Это когда дверь в твоей квартире никогда не закрывается. И к тебе заходят друзья, не стучась, как к себе домой. Потому что им – хорошо с тобой. А тебе – хорошо с ними.

«Здравствуй, Ниночка Николаевночка!» – раздавалось с порога ее квартиры много раз и ежедневно.

Старый альбом в плюшевой обложке. На первой странице фотография худенькой девушки. Она стоит на сцене перед микрофоном на фоне эстрадного оркестра. Это Нина Зимина, середина шестидесятых. Она выступала тогда во Дворце культуры сталепроволочного производства… Из-за больных ног не могла танцевать, но пела – изумительно!

Она была «звездой» всего Нижнего селения (это микрорайон Белорецка), где родилась и выросла. Да и в Верхнем селении поклонников у нее тоже было предостаточно.

Нина Николаевна выступала вместе со знаменитым в ту пору эстрадным оркестром под управлением Валентина Беккера. Он очень хотел, чтобы его солистка стала певицей, но верх взяла поэзия.

Ах, как давно это было! Но в душе она оставалась все такой же девчонкой…

«Я танцева-ать хочу, я танцева-ать хочу, с утра-а и до утра-а!»… Люди, проходя мимо открытого балкона, что на втором этаже обычной белорецкой пятиэтажки, невольно улыбались, слыша хрустальный, серебристый голос Нины Николаевны. Она пела, сидя на диване, а рядышком, вплотную приткнувшись к ней, лежал ее кот Гошка. И если она брала слишком высокую ноту, он недовольно поднимал голову, загребал лапами ее руку и начинал шутя покусывать ее пальцы. Если слишком увлекался, Нина взвизгивала, и кот, как бы извиняясь, тут же начинал лизать ее ладошку своим шершавым языком.

Но вернемся к поэзии Нины Зиминой…

Она – поэтесса очень русская. Но ее «русскость» без надрыва, без политических пристрастий (она была равнодушна к политике).

Нина Николаевна не умела осуждать людей. Мне кажется, что в ее духовном организме просто отсутствовал орган, отвечающий за осуждение.

У нее было достоинство Ярославны и простота (мудрость!) Февронии.

Посмотрите, какие строки!

Вплетены ромашки в березовые косы.
Русь моя, Россия! – солнышко в глазах.
Легким ожерельем серебрятся росы,
Платье луговое в радужных цветах.

Знойно дышит лето на июльском взгорье.
Время золотое – ягоду сбирать.
Сладостным румянцем полыхают зори.
Красота небесная, Божия Благодать.

Легкокрыло тучка налетит-уронит
Жемчуга дождинок на медовый цвет.
Матушка-Россия дочери Февронии
Собрала в приданое луговой букет.

Детская восторженность! И это написано в то время, когда поэтесса уже не могла выходить из дома из-за многочисленных болезней.

Но – никакого ропота! В душе она оставалась девчонкой, собирающей ромашки на солнечном лугу.

Она пела своей России.

Я – птичка-певичка на майском кусту
Закатного цвета,
Чирикаю радостно в пустоту
На кромке рассвета,
Дневную презрев суету.
Я жду золотистого жаркого лета.

Нину Зимину очень ценил Мустай Карим. Она вела с ним длительную переписку. Именно он дал ей рекомендацию для вступления в Союз писателей Башкирии.

Нина Николаевна переписывалась и с Виктором Астафьевым. После смерти великого писателя его жена в своем интервью какому-то журналу цитировала стихи Зиминой.

Нина Зимина – православная поэтесса. Особенно в последние годы она стала посвящать духовной теме все больше и больше времени. А потом и вовсе стала писать только о Горнем…

У нее вышло несколько православных поэтических сборников. Она их выпустила за свой счет. За книгу «Во славу Божию» (это венок сонетов) она получила благодарность от патриарха Московского и всея Руси Кирилла. А еще Нина Николаевна проделала уникальную работу! Вы только представьте:

она перевела на современный поэтический язык Псалтырь! (Помните пророчество ее мамы?)

В свет вышла книга «И паче снега убелюся…». Часть тиража поэтесса подарила Табынскому монастырю. Вот как звучит пятый Псалом от Зиминой:

О, Господи! Мой Царь! Свет утра от Тебя.
Перед Тобою вновь предстану я
И помолюсь. Услышь меня, услышь!
О, как блаженна утренняя тишь!
Ты – в этой тишине, Ты зришь меня,
От оговора вражьего храня.
Ты отвергаешь всех, кто зол душой
И кто пронзает свет любви стрелой,
Кровавя трепетное сердце.
Как распознать таких соседство?
По милости Твоей войду в Твой дом –
Светло и празднично мне в нём…

В последние годы она болела особенно тяжело. Трудно писать об этом… Поэтесса не любила говорить о своих скорбях. Об этом знали только очень близкие люди.

Да, ей было очень непросто. Последние десять лет она не выходила на улицу, а по квартире передвигалась только с помощью стула.

Моя прогулочная палуба –
К стене прилепленный балкон.
Край неба – крылышко в подпалинах,
Сквозные ветры с трех сторон.

Встать с дивана для нее было большой проблемой. В последние годы стали отказывать руки. Даже поднять ложку не хватало порой сил.

Ее сон делился на две части: полночи она спала сидя, и только под утро ложилась на один бок. Лежать на другом боку мешали металлические пластины, вставленные в бедренную кость (у нее было еще два перелома). Из-за больного сердца она не могла лежать на спине – задыхалась... А еще стало пропадать зрение.

Но какая сила воли!

Я помню, как однажды она произнесла куда-то в Пространство, будучи уже практически слепой: «Я не сдамся… Не сломаюсь!»

Поэтессе была сделана сложная операция, и ей частично вернули зрение.

Она писала стихи в блокнотик, потом с трудом печатала их на своем стареньком ноутбуке. Потом куда-то отправляла, участвовала в конкурсах, побеждала, радовалась, встречала гостей, о ком-то непременно заботилась… И ни малейшего намека на то, что ей больно! Это всего лишь неожиданно прорывалось из ее сердца – и только самым-самым близким людям…

Невидимы связующие нити –
Свет давних дней в моем нелегком дне.
С моей Голгофы Божий Сын, Спаситель
Сойти поможет покаянно мне.

И дни мои больные превратятся
В начало благодати неземной,
Мне только бы суметь с колен подняться
И воспарить над болью, над собой.

В ее жизни было много чудес. Она порой рассказывала мне о них, но я был слушателем неблагодарным и даже посмеивался над ее «суевериями»…

Она рассказывала, как ее, пятилетнюю девочку, прикованную к постели страшным недугом (после того злополучного купания), подняла на ноги одна бабушка. Ее привела мама, Евдокия Ефимовна. Бабушка помолилась и провела каким-то камушком по ногам маленькой Нины… Наверное, я зря пересказываю это, потому что тоже рискую получить насмешку, как оплеуху…

Но буквально на следующий день Нина встала и начала тихонько ходить по дому с помощью мамы. Этого не смогли добиться врачи… Нет у них нужного «камушка».

А однажды (где-то за десять лет до кончины) Нине Николаевне приснился странный сон. Он рассказывала мне об этом очень осторожно. Даже неохотно. Верующие люди редко делятся сокровенным…

Поэтессе приснился, вернее, явился во сне НЕКТО и посоветовал молиться святому Дионисию. Даже потребовал. Утром Нина позвонила в церковь: оказалось, что сон выпал на день памяти святого Дионисия (или в преддверии этого дня).

Я опять отнесся к этому с сомнением. И не спросил, в какой именно день приснился сон. После смерти Нины Зиминой я стал искать святого Дионисия в житиях – но! Дионисиев оказалось много…

В конце жизни поэтесса посвятила этому святому целый букет прекрасных стихов.

И еще расскажу об одном странном случае.

Однажды Нина вдруг возроптала… Вообще-то она была очень сильным человеком, но – не выдержала. И понять ее просто: скорби хлестали Нину с разных сторон – больно и неожиданно. И это не только страшные проблемы со здоровьем. Это и трагедия с мужем, который в конце земного пути тоже стал инвалидом. Больная Нина ухаживала за ним, как

за ребенком, хотя каждый шаг по квартире давался ей с усилием. Ах, как она его любила! Как может любить только русская православная женщина. Как птица, она укрывала его своими крылами! И как страдала из-за того, что ее Коля-Коленька отказывался креститься. Однажды она сказала ему: «Коленька, мы с тобой всегда будем вместе! И даже после смерти, как пчелки, станем летать вокруг Престола Божия! Ты только крестись. Крестись, пожалуйста!»

Любовь побеждает все: Николай Валентинович Худовеков крестился. И незадолго до смерти – причастился.

Смерть мужа Нина Зимина пережила стойко. В день похорон на кладбище поехать не смогла из-за болезни ног. Сидела на диване и полушепотом выговаривала это слово: «Вдова… Вдова…»

А потом пришли новые скорби: стали вдруг отниматься руки, стремительно ухудшалось зрение… И тут появился ропот: «Матушка Владычица! За что?»

На следующий день к поэтессе заглянул на огонек прихожанин Белорецкого Свято-Троицкого храма – он совсем недавно познакомился с Ниной Зиминой… Поэтесса попросила поставить чайник. Раб Божий Андрей на кухне перекрестился на икону Вифлеемской Божией Матери, которую Нине друзья привезли со Святой земли. И – о, чудо! На иконе значилась маленькая капелька миро.

Нина любила Матерь Божию и получила утешение от Нее. Кстати, Вифлеемская икона – единственная в мире, где Матушка Божия улыбается.

Свет Невечерний излучает взгляд.
С грустинкой – потаённая улыбка.
Есть на Земле и светлый рай, и ад,
Мосток меж ними – очень-очень зыбкий.

Она никого не мучила своей болезнью. И очень легко умерла.

Ее смерть тоже была необычной. Вообще, о такой кончине может мечтать каждый.

Это был июньский день. Вроде бы вторник. Нине вдруг стало плохо. Я вызвал «скорую»…

К тому времени я уже привычно воспринимал такие кризисы, но какая-то вдруг мысль тенью прошуршала в сердце.

Я решил вызвать священника… Тут я сделаю небольшую оговорку: Нина Николаевна была очень дружна с двумя белорецкими священниками – отцом Андреем Мавриным и отцом Александром Шерматовым…

Так получилось, что в этот день служил отец Александр, которого она часто приглашала к себе, чтобы исповедаться и причаститься… Батюшка дочитывал последнюю главу акафиста. Через пятнадцать минут он уже был в доме у поэтессы.

Нина Николаевна причастилась Святых Таинств. В полном сознании и памяти. Только батюшка простился с ней, как она тут же умерла. Я не успел сказать ей последнее «прости»…

Ее отпевали в белорецкой Свято-Троицкой церкви. Так совпало, что в этот день служил отец Андрей Маврин… Он провел обряд отпевания и проводил ее в Вечность.

Светлая, светлая, светлая душа! Душа, очищенная скорбями и просветленная Верой… Постоишь, погрустишь на ее могилке, а потом вдруг почувствуешь тихую-тихую радость за нее. Радость сквозь щемящую боль утраты…

И нет никаких сомнений в душе! Нашей Нине, конечно же, хорошо сейчас…

Когда буду я навсегда уходить,
Проводи меня, солнышко, проводи
И скажи: «Петь любила она и умела любить,
У нее был мой солнечный лучик в груди».

А вослед прилети, прошуми, ветерок,
Прошепчи на прощанье такие слова:
«У нее был в крови мой порывистый ток
И чуть ветреная голова».

А потом, в ночной полумгле луна
Мне на холмик прольёт голубую слезу
И, воздав за греховность мою сполна,
Одинокую с неба уронит звезду.

ИГОРЬ КАЛУГИН

Глава I

ПОЛОЖУ ГОЛОВУШКУ НА ТВОЕ ПЛЕЧО

О ЛЮБВИ

Я хочу тебе присниться
Легкокрылой белой птицей...

1. КОРОЛЕВА Я, КОРОЛЕВА, МОЯ ВОТЧИНА – ЛУГ В РОМАШКАХ!

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

На позолоченном рожке
Играет утро песню света.
На подсиненном рушнике
Калач оранжевого цвета,
А от него исходит жар,
Печной, душистый, прямо с пода.
Готовьте, люди, самовар
Да чай заваривайте с медом.
Оставьте во вчерашнем дне
Обиды, ссоры, огорченья,
Борьбу за место, где видней
Вы кажетесь всем и почтенней.
Ужель значительней наш след
С мешком, где злато под завязку?
Все это суета сует.
Конец – один, одна развязка,
Хотя у каждого свой срок…
Любите, люди, здесь друг друга,
Добро распустит свой цветок
По центру замкнутого круга.
В заплечном вещевом мешке
Богатство – жизнь! Другого – нету.
На позолоченном рожке
Играет утро песню света.

Я ноты первые ловлю
И прячу в сокровенный ларчик.
Люблю! Люблю! Люблю! Люблю! –
Чем дольше я живу, тем жарче.

* * *

О, Госпожа Любовь! – царица света.
В твоей короне – солнце и луна.
Альбомы всех времен хранят портреты
Красавицы, сводившей мир с ума.

Ты шествуешь исхоженной дорогой,
Зато всегда, как будто в первый раз,
В обличье своенравной недотроги
И со стыдливым взором ясных глаз.

А в облике распутницы блудливой
Вдруг взламываешь тайные замки,
Дурман-траву растишь, цветы обиды
Вплетаешь в сокровенные мечты.

То нищенкой в небесно-рваном ситце
Приходишь в позабытый Богом дом.
Целующий твой след на половицах
Становится счастливым богачом.

…Листаю я свой памятный альбом –
В трех лицах ты запечатлелась в нем.

* * *

Тихий вечер, как в начале
Сотворения Земли.
Утоли мои печали,
Боже Правый, утоли.

Тают свечи покаянья
Перед образом святым.
Все мои земные знанья
Перед небом – только дым.

По кругам иду неновым,
Пыл заката возлюбя.
Я ищу простое слово,
Чтобы выразить себя.

Невечерний свет в тумане.
Час прозренья не пробил.
Мое сердце на заклании
Всепрощающей любви.

Были бури – свод качали.
Были грозы – отцвели.
Утоли мои печали,
Боже Правый, утоли.

* * *

Я хочу тебе присниться
Легкокрылой белой птицей.
Приручи ее, любимый, научи
Клевать зернышки с ладошки,
Петь на солнечном окошке,
Пусть порадуются первые лучи.

Если осень постучится
Снова в душу черной птицей,
Не волнуйся, понапрасну не грусти.
Желтый листик закружится,
Превратится вдруг в жар-птицу –
Золотыми станут серые дожди.

Утро выйдет из тумана
На счастливую поляну,
Где цветок-невянка венчик распустил,
Ты проснешься. Удивленно
В мир посмотришь заоконный
И увидишь пару легких белых крыл.

Может, чёт, а может, нечет.
Нам во всем судьба перечит,
Запуская не в ту сторону юлу.
Небылицы и былицы,
Много нам во сне что снится.
Птица счастья прилетает наяву.

* * *

Жребий выпал. Так тому и быть –
На краю жить иль посередине,
Облачку серебряному плыть
По уже написанной картине,

Или неуверенно штрихи
Наносить на холст учебной кистью,
Изыскать в палитре всех стихий
Трепетные солнечные листья.

Жребий выпал: на кресте любви
Быть распятой… Это ли не благо?
Господи, меня благослови,
Чтобы со креста назад – ни шага.

Жребий выпал: быть всегда собой,
Все в одном сосуде: горько – сладко.
Мне б срастись доставшейся судьбой
С торжеством Вселенского порядка.

* * *

Твой поцелуй – полынь
С хмелем остывшего грога.
Я – у холодной стены,
Грешная перед Богом,

А пред тобой чиста.
Апрельской слезой умыта.
В глазах твоих тень креста,
К которому я прибита.

Ты – пропасть и высота...
Ты – радость моя и проклятье.
Срываюсь порой с креста
Я прямо в твои объятья.

В желанных твоих руках
Воскресшая, торжествую.
А на сухих губах –
Полынная стынь поцелуя.

* * *

Королева я, королева –
Звезды с неба в моей короне.
Королева я, королева
На построенном солнцем троне.

Королева я, королева.
Моя вотчина – луг в ромашках.
Хоть направо и хоть налево –
Жемчуга в изумрудных чашках.

Малахитовое раздолье
С серебром в голубых прожилках.
Королевская моя воля –
Чтоб здесь вечная жизнь кружилась,

Чтоб жужжали шмели над цветом,
Зависали пчелки над взятком,
Чтоб в глаза всем смеялось лето,
А зима не казалась зябкой.

* * *

Благословите женщину-весну.
Душа ее – подснежник на рассвете.
Надежда в легкой солнечной карете
В счастливую торопится страну.

Благословите женщину, когда
Ростки удачи в ней распустит лето
И в уголке семейного портрета
Заблещет судьбоносная звезда.

Ах, осень! Время буйной красоты.
Смех той весны, как эхо, в детском смехе.
А дети – и услада, и утеха,
И в вечность устремленные мечты.

Зима, нетороплива и мудра,
На спицах вяжет варежки с узором.
Благословите мудрость в эту пору –
То бабушек спокойная пора.

Благословите женщину!
В ней свет,
Любви и жизни вековой секрет…

* * *

Милый друг, подари мне лесную тропинку,
А над нею пусть сосны веселым шатром.
Снова тихая радость с надеждой в обнимку
Возвратятся под осень в пустующий дом.

У приюта любви прохудилась вдруг крыша,
И приспела пора ее крепко латать.
Золотистый огонь память лета всколышет –
Все, что было забыто, нам вновь начинать.

И курносое солнце с осенней картинки
Засияет по-вешнему вновь за окном.
Наша тихая радость с надеждой в обнимку
Возвратятся, как прежде, в оживший наш дом.

* * *

В проеме освещенного окна –
Он и Она
Вне времени и будто вне пространства,
И отзвуком старинного романса –
Их голосов горячая волна,
Как будто спелись осень и весна.
Он и Она –
До белых мух в предзимнее ненастье,
Сотрутся краски, приутихнут страсти,
Задребезжит ослабшая струна.
Ну а пока – вне времени они…
Есть отчужденья, отстраненья дни.
Но и сквозь них колышется огонь.
Она готова другу на ладонь
Свое сердечко положить – храни!
Не об-ро-ни…

* * *

Кто ты мне? – не друг и не любовник,
И не враг, что мой привет отверг.
Гость случайный к пирогу во вторник
Или после дождичка в четверг.

Самовар – серебряное диво
Отражает радость и уют.
Я сижу с улыбкою счастливой.
В небе – гром июльский, как салют.

Раскусила надвое конфету:
Мне – тебе. Святая простота.
Чай горячий да пирог при этом –
Грех во дни Петровского поста.

Вот и вся история.
«Не густо!» –
Скажет почитатель остроты.
Отгремел июльский гром. И пусто
На душе…
Скажи мне, кто же ты?

* * *

Я бросаю поленья в остывший очаг,
Суетливо руками ломаю лучину.
А дрова не хотят разжигаться никак.
В чем причина?
Ну, в чем же причина?
Огонька завиток разовьется чуть-чуть
И опять станет искоркой жалкой.
Отсырели поленья… А я все хочу
И огня, и любви удивительно жаркой.

* * *

Луна за собой потянула шлейф ночи,
В нем заткана звездная пыль.
Мой милый, зачем ты беду напророчил –
Заплел в мои косы под утро ковыль?

Рассвет одиноко скребется в окошко,
Размазав слезинки холодной росы.
Не жаль мне того, что оставлено в прошлом,
А жаль только: черной не стало косы.

Мой милый, что проку в несмелых укорах.
Я выключу на ночь опять телефон.
Раздвину на окнах вчерашние шторы,
Чтоб лунная тропка пронзила мой сон.

И ты, вновь счастливый и тайно влюбленный,
Придешь этой тропкой, плутая в ночах.
От радости слез не бывает соленых.
От радости утро не меркнет в глазах.

* * *

Сегодня добрый нежный взор –
Любви подачка.
А завтра – сердце под топор.
Любовь – палачка.
На лобном месте я стою
По доброй воле,
Кладу головушку свою.
Дай Бог – без боли.
Дай Бог – без слез да не упасть,
Лоб не запачкать.
Вновь надо мной являет власть
Любовь – гордячка.

Изыди, слабость! Я – кремень.
И боль нелепа.
И улыбнулся нежно день
Под хмурым небом.

* * *

На плечах – твоя рука
И желанна, и легка.
Взгляд то ласковый, то шалый.
И не надо теплой шали
На озябшие бока.
Солнце ластится в окне,
Милый, много ль надо мне:
Не злаченое колечко,
А сердечное словечко,
Чтоб смеялось, как во сне,
Чтоб дышалось, как смеялось…
Ах, какая это малость –
Быть на солнечной волне.
Милый, много ль надо мне!

* * *

Верь не верь: я умею летать
Из настоящего
в прошлое
и обратно.
Может, время мое крылато
Или времени я под стать.

Через форточку в даль весны –
Пусть удача целует в губы.
День – на убыль
и жизнь – на убыль,
Но шальные тревожат сны.

Если солнышко – прямо в грудь,
Если ветер – то рвет мне платье,
И с грозой небывалой объятье –
Крепко-накрепко! – не вздохнуть.

Я касаюсь своей звезды,
У которой лучи-иголки.
И у славы есть кривотолки,
Без огня не струится дым.

Карта жизни без четких линий,
Заплутаешься – вот и сбой.
Приглашаю тебя с собой
Разрывать грозовые ливни.

* * *

Убери календарь,
Занавесь зеркала.
Мой веселый январь
Закусил удила
И пошел круто вспять.
Крепче, крепче держись!
Дни иль годы считать?
Мерить радостью жизнь? –
Если выйдет судьба
До конца быть вдвоем…
Пусть в глазах у тебя –
Отраженье мое,
И тревога, и грусть,
И счастливый покой.
Я проснусь – погляжусь:
Я любима тобой.

* * *

В твоих словах – тоска,
В твоих глазах – тоска,
Как черный флаг души,
Истерзанной, но доброй.
Ужель беда твоя, как дуло у виска? –
И отводить его
Хоть пробуй, хоть не пробуй.
О, если б силу мне,
О, если б волю мне,
Я обовью тебя
Тревожными руками:
И сразу прочь печаль,
Как снеги по весне.
Согреется душа,
Как поле под лучами.
Не я с тобой иду,
И не моя рука
Тебе опора на стезе неторной.
Вот потому тоска,
В твоих глазах тоска,
Как черный флаг души,
Истерзанной, но доброй.

* * *

Я лечу к тебе на одном крыле.
А другое, подбитое, волоком
По пыли влачу, по сырой земле
Под небесным дырявым пологом.
Неудачница я. Отступница.
И беда за бедой, словно дроби рой.
Из-за тучи Матерь-Заступница
Крестит путь, уготованный мне одной.

* * *

У моего порога
высокая ступень.
У моего порога
споткнулся ясный день,
Как будто конь,
бежавший за солнышком вослед.
Споткнулся, оглянулся –
а солнышка-то нет.
Нечаянные тучи.
Опасный поворот.
Дороги нет обратной,
когда не повезет,
Когда вместо удачи
в руках чертополох.
Кричи, зови на помощь –
весь мир будто оглох.
У моего порога
высокая ступень.
У моего порога
споткнулся ясный день.
Я выбегу навстречу
и руки протяну,
Ступенечку крутую
возьму себе в вину.
А солнце, что сорвалось
с незыблемых высот,
Пусть вопреки всем бедам
в душе моей цветет.

* * *

Положу головушку на твое плечо,
Как рецептик выпишу солнечным лучом
От хандры-ревнивицы, от тоски еще –
Мне с тобою рядышком хо-ро-шо!

17 февраля

* * *

Ты – моя быль с несчастливой развязкой.
Драма иль фарс?
Все равно – на крови.
Ты – моя боль под смеющейся маской.
Старые трюки богини любви.
Старый сценарий с эпохи Петрарки.
Разные судьбы – едина душа.
Свечи сгорели, но тлеют огарки,
Воспоминаньем о прошлом дыша.

1998 г.

* * *

В золотые оделась меха
Ночь-распутница, ночь-царица,
Ложе страстное – трон для греха...
И покаешься – не простится.

Ночь-распутница из углов
Выгоняет срамные тени.
Ночь-царица своих рабов
Возвышает до исступленья.

И душа моя вновь вольна
Вознестись до желанной кражи.
На подушке моей луна
Растекается сладко-бражно.

Я жалею себя и кляну
За высокую степень накала
И хочу погасить луну,
Чтобы снам моим не мешала.

Если ж ночь золотые меха
Мне подарит вдруг по ошибке,
Зазмеится радость греха,
Потечет по моей улыбке.

Потянусь я к твоим губам,
Полугрешная, полусвятая,
И царица сама, и раба
Между звезд с тобой проплутаю,
Пока день не отхлещет ночь
По щекам, как гулену-дочь.

2001 г.

* * *

Не орлица я по натуре,
Не царица по положению.
После бури на чистой лазури
Я ищу свое отраженье.

Контур крылышек опаленных
То ли бабочки, то ли птахи,
То ли тень скользит затаенно
От руки при прощальном взмахе.

Голова моя, бедолага,
На земле в покорном поклоне.
Шаг вперед и назад полшага.
Я завидую той, в короне.

Той, умершей во мне когда-то,
Беспощадной... Не то что ныне –
Сердце – рубище, все в заплатах.
Не царица я, а рабыня.

В давнем прошлом моя эпоха.
Трон в костер пошел на дрова,
На огне том, когда мне плохо,
Я закаливаю слова.

Ах, как хочется распрямиться,
Покуражиться вдоволь, всласть.
Воскрешаю в себе царицу.
Пусть не всю, но хотя бы часть.

Над судьбою упиться властью.
Над собою – попытка зря.
Наше бабье хмельное счастье –
Над собою иметь царя.

2001 г.

* * *

Пропасть и небо. Пропасть и небо.
Можно ль постичь высоту, не срываясь?
В каждой из нас прорывается Ева,
Та, что оставила прелести рая.

Страсть и любовь – словно крылья над временем.
Черные перья – белые перья.
Образ расхристанной Анны Карениной –
Быть средь последних царственно первой.

Из-под колес вырывается небо.
Рельсы пронзают оплавленный сумрак.
Рвутся страстей заскорузлые струны –
О, как нелепо, до боли нелепо.

Пропасть и небо. Белая птица
Реет свободно и кружится между.
Есть у судьбы золотые страницы
С четким автографом нашей надежды.

Май 2007 г.

* * *

Заболей, пожалуйста, мной.
Или этого я не стою?
Для тебя я – солнце весной
За высокой седой горою.

Для меня ты – светлый ручей
У подножья моих страданий.
Не рука твоя на плече,
А руки твоей ожиданье.

Так забавно: и я, и ты
Друг на друга глядим пытливо.
Кто-то вплел золотые цветы
В переспевший пучок крапивы.

Я крапивный цвет засушу –
Чем для грез моих не подушка.
Заболей, заболей – прошу,
Чтобы вылечить мою душу.

1-2 января 2008 г.

* * *

Мой ангел, я тебя зову,
Зову во сне и наяву.
Но небо звездное безмолвно.
Лишь облака, как в бурю волны,
Затмить пытаются луну –
Ладью средь бурных вод одну.

Ладья, груженая туманом.
О, грезы, как же вы обманны!
А сердце часто на разрыв.
Любовь не в правилах игры,
Когда лукавство изначально,
Роман кончается печально.

Мой ангел, под твоим крылом
Мне побывать бы в дне былом –
Там столько срывов и чудачеств…
О, если б все переиначить.
А может, так и надо было,
Чтоб я, любя, себя забыла

И у последнего порога
Молила о прощенье Бога.
А ты, мой ангел, в стороне
Все вспомнить помогаешь мне.

……

В час расставания с земным
Прикрой меня крылом своим.

2-3 января 2008 г.

* * *

В моей душе растет тоска,
Как облако осеннее,
А сквозь него – лучей оскал:
Последнее... Последнее...
Весна не распахнет мне дверь
На поле пестроцветное.
Ах, что целуешь ты теперь
Мне губы безответные.
Очарованье дней былых
Растаяло, рассеялось.
В глазах, когда-то голубых, –
Поблекшее, осеннее.
Но ты веди меня к огню,
Быть может, и воспряну я.
Тебя ни в чем я не виню,
А только дни багряные,
Опалый лист над головой –
Кружит конца пророчество.
Ты у огня побудь со мной:
Боюсь я одиночества.

* * *

Тебя я выдумала!
Да,
Ночами мглистыми.
И замутненная вода
Вдруг стала чистою.
Пропали тучи,
Ясный день,
Окно расцвечено.

Разверзлась неба
голубень
Любовью-вечностью.
Где горя прошлая
слеза?
Ее как не было.
И быль слилась
в моих глазах
С завидной
небылью.

НАСТРОЕНИЕ

Глаза – холодень в глазницах,
(Зеркало не солжет).
Веселые мои птицы
Вмерзли, влепились в лед.

Серое оперенье –
Из-под ресниц чуть-чуть.
Укоротилось время,
Но удлинился путь

К тебе, от тебя и снова
К тебе на исходе сил.
Сердце мертво в оковах,
Птица мертва без крыл.

Случай иль неизбежность –
Черные виражи.
Кто мне подарит нежность,
Тот мне подарит жизнь.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ НА ОДНУ ТЕМУ

1.

Безумствуя, тебя люблю.
Наивно хмурый взгляд ловлю
И жду, когда он потеплеет.
Шумит кленовая аллея,
Подарок солнцу – смех ветвей,
Разбуженных весенним ветром.
Взволнованное птичье ретро
Звучит новее и звончей.
По лужам шлепает малыш –
Моя надежда расшалилась.
Меняют боги гнев на милость,
А ты все хмуришься, молчишь.
Блажен восставший ото сна,
Его приветствует Весна,
А в ней – безумство и наивность,
Влюбленной грешницы невинность.

2.

От себя уйти... Но куда?
На кудыкину гору разве.
Там не лес растет – лебеда
И цветком никудышным дразнит.

Наломаю-ка я ветвей
И костер разведу до неба,
Не огонь пойдет – суховей,
Превращая былое в небыль.

Он прожжет, как кафтан, насквозь
Никудышную мою душу.
Ей с твоей невозможно врозь,
А быть вместе – того еще хуже.

Разбросаю я угольки,
Что под пепельным тлеют фетром.
Только вот от забвенья реки
Так и тянет горячим ветром.

* * *

Тебя мне обещал вчерашний день,
Когда чумное солнце на плетень
Моей судьбы упало и застыло.
Я обещание боготворила.
О, как легко, свободно и светло
Катился день, не ведая заката,
По стеклам окон золото текло.
Я обещанием была богата.
День нынешний родился из утрат,
Из непогоды наших отношений –
И облетел счастливый летний сад,
Его даров не жду я подношений.
В глазах моих нашла приют зима!
Я солнце заморозила сама
И ставни наглухо закрыла...
Ужели я вчера еще любила?

ИКЕ

1.

Я напишу тебе признанье
На тонком солнечном луче,
Твою судьбу с моей узлами
Свяжу у неба на плече.

В веках с восхода до заката
Летит любви моей стрела.
Что было свято, будет свято
Под сенью Божьего крыла.

И ты… И я… Из тонких нитей
Канва всех наших первых дат
И поздних трепетных открытий.
Нет для двоих пути назад,

Какие б ни кипели страсти
И на разрыв, и на прорыв.
Нам только с неба не упасть бы,
Забыв о правилах игры.

2.

Пересеченье параллелей
У неба часто невпопад.
Хотели мы иль не хотели,
Но закружил нас звездопад
Над пропастью чумных желаний.
И ты летишь… И я лечу…
Но Ангел Света тихой дланью
Меня похлопал по плечу,
Тебя прикрыл крылом ажурным
Наперекор шальной звезде.
И ты, очнувшись утром хмурым,
Поверил в благодатный день,
Свет Невечерний возлюбя,
Поверил в самого себя.

* * *

То ли блажь, то ль закон
Притяжение наше.
С двух несхожих сторон
Жутко молния пляшет.

Не от Бога летят,
А от демона стрелы
В непосаженный сад,
Где душа моя пела.

Песнь сливалась с твоей
Неродившейся песней.
Нет хитрее затей –
Жить поврозь, а быть вместе,

Как под сенью одной
В пору жарких цветений,
И разряд грозовой
Принимать за спасенье.

* * *

Вот опять весенняя распутица.
Солнце набирает высоту.
Белый цвет черемухи распустится,
Черный плод засохнет на ветру.

Лето есть, а есть и лихолетье,
Пылкость душ и смертные грехи.
От любви счастливой будут дети.
От несчастной – песни да стихи.

* * *

Ты приходишь в мой сон,
обожженный ветрами разлук,
И тревожишь мою
заскорузлую память.
Обмираю опять
на кресте твоих бешеных рук,
Ты припрятал все гвозди,
чтоб душу не ранить.

О, как сладостны муки.
Я гвозди сама отыщу,
Чтоб уже не сорваться,
чтоб накрепко, пусть даже больно.
И от счастья сомлев,
облачаюсь в земную парчу,
Как монашка,
что крест променяла на волю.

Ты приходишь в мой сон
и губами горячими вновь
Воскрешаешь во мне тот,
угасший со временем пламень.
Ночь мой сон сторожит,
сторожит до утра и любовь,
Что когда-то была между нами.

Июль

* * *

Мой единственный, мой милый,
Птицей, нежной, легкокрылой,
Я лечу на перекресток рук твоих,
В них –
Обмираю. О, блаженство…
И душой, не птичьей, женской,
Постигаю, что такое значит рай,
Хоть и край… Всего лишь край…

МИСТИКА

Красные губы. Страстный рисунок.
Хмель сатанинский в глазах.
Ветер сквозь шторы руки просунул
Стрелки стереть на часах.

В недрах безвременья миг сладострастия
Льет огневое вино.
К силам ли добрым святое причастие,
К чарам ли злым – все одно.

Тот поцелуй. Эти руки…
Устала я
От ожиданья щедрот.
Губы обуглились. Маска растаяла.
Стрелки помчались вперед.

* * *

Я подарю тебе нежность
И отогрею твой взгляд.
Вешнее солнце подснежник
Нежит с макушки до пят.

Зимних уроков досаду
Жаркий растопит восход.
Я подарю тебе радость,
Пей из горсти спелый мед.

Сядем с тобой на крылечке.
Над головой – голубень.
Ты подари мне колечко
И нескончаемый день.

* * *

Забор из солнечного леса
Надежно охраняет дом.
Пред печкой старенькое кресло,
И вечер жизни дремлет в нем
Перед огнем.

Сверчок устроился за нишей –
Философ, музыкант, поэт,
И растревожилось затишье –
Любовный зазвучал сонет
Из прошлых лет.

Тревожно, сладостно и страстно,
Наполнив смыслом веер строк
В той книге, что зовется счастьем.
Сонет – как заданный урок
На вечный срок.

* * *

Держусь я за тебя, как за соломинку.
А надо ль это мне или тебе?
Но мысли, как упрямые паломники,
Святыню ищут в призрачной судьбе.

И радостно, и в то же время боязно.
Тебя боготворю с десяток лет.
Но ты в другом по жизни мчишься поезде,
Хотя ко мне твой выписан билет.

На полустанках мы с тобой встречаемся
Чайку попить иль просто поболтать,
Глядим в глаза друг другу и отчаянно
Соломинку боимся потерять.
Иль что-то большее?.. Как знать.

13 августа

* * *

Я огражу тебя от боли
И страх души заговорю.
Росистым утром выйду в поле,
Чтоб разбудить твою зарю.
Она взойдет, заполыхает
Благословением любви.
И ты, о прожитом вздыхая,
Шагнешь уже в другие дни.
Заря – грядущего предвестник
Даст счастья радугу-дугу.
От клеветы тебя, от мести
Уберегу,
уберегу.
Врагов-завистников немало
Под серой маской добряков,
Таят в улыбках суть оскала
Изголодавшихся волков.
Но как бы ни было, а в жизни –
Добра и солнца торжество,
И песнь любви слышнее тризны,
И предпочтительней всего.

* * *

Возьми мою холодную ладонь
И отогрей в руках горячих.
Пусть твой живой, спасительный огонь
Перетечет в меня. Я спрячу
Его в своих таинственных глазах
И разожгу потом одна… в стихах.

* * *

Растянувшись над покатой сопкой,
Тихо лижет облака закат,
Жаркий вечер сходит тайной тропкой
Наземь, предвещая снегопад.
Я свои мятущиеся руки
Заломлю на шее у тебя.
Пусть ползут настойчивые слухи,
Что пришел ко мне ты, не любя.
Наговоры порождает зависть,
Темная, как близкой ночи тень.
У любви моей окрепла завязь
И цветком раскрылась в ясный день.
Я его лелею, поливаю,
От дурного глаза берегу,
И тебя по-прежнему встречаю
На еще не скошенном лугу.

* * *

Князь ты мой – хмельная голова,
А глаза – как зелень, острова
С теплыми болотцами воды,
И всего полшага от беды.
Зазываешь, весело смеясь.
Беспощадный, златоустый князь.
Небо уплывает от меня,
Я – не я, невольница твоя.
Повелитель первых знойных гроз,
Укротитель несчастливых слез,
Не жалей огня своей любви,
Не желай разлуки, не губи.
Сколько дней счастливых я жила? –
Знойная пора – как взмах крыла.
Пожелтеет сочная трава,
Протрезвеет сразу голова.

СТРАННЫЙ МОНОЛОГ

Я, как актриса, на вторых ролях
Во всех твоих любовных драмах.
Холодным ветром занавес пропах.
Опавший лист скользит за рампой.

Под говорок ненастного дождя
Смеюсь и плачу в мизансценах,
Себя нисколько не щадя,
Тебе наращиваю цену.

Жду, как назначит режиссер
Финала сложного решенье.
С шекспировских далеких пор
Не знает ревность укрощенья.

Я капну яд тебе в елей
В последней роковой картине:
Актриса для вторых ролей
Вдруг стану главной героиней.

* * *

Ушла любовь. Связь времени разъята.
Как черный сфинкс, лежит в дверях утрата,
И день пришедший обращает вспять.

Шагну вперед иль в сторону – едино,
Я словно в рамке колдовской картины:
Печать и темь – ни проблеска опять.

Одну бы искру – чернота растает,
Как туча, если солнце заиграет.
В чьем очаге мне искорку занять?

* * *

Мне тебя не миловать,
Мне тебя не целовать,
Мой хороший.
На дороженьке к тебе
Время выткало в судьбе
Грусть-порошу.
У меня глаза, как ночь,
Я страны забытой дочь,
Той, былинной.
Ты из нынешнего дня
Отыскал вдали меня,
Мой любимый.
Отыскать-то отыскал,
Только не расколдовал.
Боль – заклятье.
У меня стрела в груди.
Так что, милый, остуди
Жар-объятья.
Наших дней веселых вязь
Отгорела, превратясь
В пыл дурманный.
А я все чего-то жду
В запорошенном саду,
Мой желанный.

* * *

Нетрудно в круг вписать квадрат,
Означив точное касанье.
Ты не любовник мне, не брат,
Не враг, не друг. Ты – ожиданье,
Ты – вдохновенье, ты – мой свет,
Предтеча всех моих желаний.
Круг предназначенных побед
Разламывают эти грани.

СТАРИННЫЙ МОТИВ

Я закована в одиночество.
Постарался кузнец – и цепь
Золотая в глазах полощется,
И в душе – особая крепь
Да окалина от беды-огня.
Я невольница у судьбы.
Цепь на цепь менять –
Только сон терять:
Не кори меня, не суди.
А тебе дана воля вольная,
Две дороженьки – выбирай.
От меня уйдешь – будет
больно мне,
Чаша горечи через край.
Коль пошел – иди не крутой
горой,
Полем радости в новый день.
Поплотнее дверь за собой закрой –
Пусть останется только тень.
Только тень твоя, как подарок мне,
Утешение, а не месть.
Силуэт любви на цветной стене –
Сердцу добрый знак, что ты есть.

* * *

Когда ж в душе твоей,
всем холодам назло,
Распустится июнь,
радушный и беспечный?
Ты ветку яблони
подаришь мне при встрече.
Я улыбнусь:
«С тобой мне повезло».

И станет жить на свете веселей.
И грянет в окна солнце –
в изобилье…
Иллюзия, как бабочка. Но ей
Забавы ради
оторвали крылья.

* * *

Я – твой снег, топчи меня ногами –
Я лишь всхлипну, заскриплю зубами.

Я – вода твоя, возьми, разлей,
Брызги-капли по ветру развей.

Я – твой тихий вечер у огня,
За спиной твоею тень моя,

Крест на ней поставь углем из печки
И затепли у иконы свечку

На помин души моей распятой.
Это за доверчивость расплата.

Я рвалась к тебе, как рвутся к другу.
Разыгралась, разгулялась вьюга,

Бьет наотмашь прямо по щекам –
Воздается деве по грехам.

И свеча у той иконы гаснет.
Разыгралось до конца ненастье...

Что ж, ненастье, так и пусть – ненастье.

Я – твой снег, но от тепла я таю,
Под горючий камень утекаю.

Кто его поставил на дорогу?
Для чего?
Известно только Богу.

* * *

Вечер к ночи клонится.
Нет в замках секрета.
Будь моей бессонницей,
Будь моим рассветом.
Будь моим забвением
И моей усладой.
Сброшу с плеч сомнения,
Оболью прохладой,
Закачаюсь – улечу
На твоих ладонях.
Ты – молчишь. И я – молчу.
Ночь поет и стонет.

ОТКРОВЕНИЕ ГРЕШНИЦЫ

Подари мне взгляд –
большего не жду.
Под откос любви
прошлый день сведу.
Канет в пустоте
мой прощальный крик.
Нет пути назад –
впереди тупик.
Меж тобой и мной
навсегда стена.
Ты с другой – вдвоем.
Я с другим – одна.
Рвусь к тебе душой
сквозь оконный звон.
Ты – моя любовь.
Ты – мой грешный сон.
Явь недолгих грез,
сбывшихся в бреду.
Подари мне взгляд –
большего не жду.

* * *

Как темен и тягуч бальзам
В твоем бокале.
Молюсь холодным небесам,
Чтоб не узнали
О нашей тайне. Бог судья
Нам – бесприютным.
Ущербный месяц, как ладья, –
Кому попутно.
Мы разминулись без обид
Тогда навечно.
Не на моей руке блестит
Твое колечко.
Ладья угасла на ветру
Меж туч в заторе.
С лица тень прошлого сотру,
Забуду вскоре
Прощальный вечер, скорбный блюз,
Потухший месяц...
Зачем в счастливый день стучусь?
Не быть нам вместе.

УБИТАЯ ЛЮБОВЬ

Испей теперь из горькой чаши,
Испей до дна
Непоправимый день вчерашний,
Хлебни сполна.
На кромке чаши – слабый оттиск,
Рисунок губ
Непрошеной, незваной гостьи.
Ты с ней был груб,
Как с девкой, что готова навзничь –
Свое бери.

Ты в черный цвет окрасил праздник
Весь от зари.
В кровь губы – сердцу было больно –
И чай остыл.
Она простила – и довольно.
Бог не простил.
Непоправимый день вчерашний –
Почти что жизнь.
Испей из этой давней чаши
И отравись
Тоской убийцы... Нет покою
С тех самых пор:
Ты над своею головою
Занес топор.

* * *

Я хожу в смирительной рубашке.
Колко. Больно. Сердце, подчинись.
А в глаза глядит мне день вчерашний –
Дразнит, манит, увлекает ввысь.
И мои обломанные крылья
Вновь трепещут, силятся поднять
Над счастливой, но недолгой былью,
Не вперед несут меня, а вспять.
Вновь мне душу опалило зноем
Слов твоих. Встревоженно луна
Высветила ночь, лишив покоя
Разум мой. И вновь осуждена
Я луной на сладостные муки
Ждать тебя, любить тебя, желать.
Небеса, возьмите на поруки
Душу, нагрешившую опять.

Ах, каким был жгучим день вчерашний.
Нынешний – смирение и боль.
Успокойтесь, крылья, под рубашкой.
Сердце, о любви не колоколь.

* * *

Красная скрипка. Солнечный свет.
Песня, летящая к небу,
То ли назад – через тысячу лет,
То ли – в грядущую небыль.

Там я была или буду потом.
Радостный свет, изначальный
К солнцу выносит веселый поток,
С небом счастливым венчает.

Царь ты иль раб – для любви все одно.
Каждый невольник и странник
В тех лабиринтах, где бродит вино
В вечном сосуде трех граней.

Кто заклинает на верность меня,
Кто вновь пророчит разлуку?
В искре рождается сила огня –
Время цветенья по кругу.

Милый скрипач, на весенней волне
Выведи вечным смычком Паганини
Радость, пришедшую с солнцем ко мне,
Радость – земную святыню.

СОНЕТ

Мы с тобою, мой друг, не от мира сего,
Мы – пришельцы с планет невезенья,
Что на Землю бросают холодные тени
И пугают суровостью первых снегов.

И надежды у нас из несбыточных снов.
Намечалось, но вот не сбылось притяженье.
Не твоя ли душа в переплетах сомненья,
Не моя ли – в осаде ненастных силков?
Милый друг, вышло так…
А могло бы сложиться:
Тебе княжить в стране, где ликует добро,
Мне тебя величать, прославлять! Веселиться!

Но мы врозь. В перекрестье разлучных ветров.
Две судьбы невезенья на общей орбите
Несбываемых грез и чумного наитья.

* * *

Я прощаюсь с тобой навсегда…
Опустели небес невода,
И моя золотая звезда
Утонула в безвременье диком.
Как спокойно теперь и как тихо.
Разливается поздняя стынь.
Говорила вчера: «Не покинь!»
А сегодня: – «Прощай!»
И аминь
Все, что было…
А было ль оно –
На двоих в одной чаше вино?

* * *

Отрекаешься – отрекайся,
В новый день не впуская меня,
Но и в прошлый глядя, не кайся…
Было весело у огня,
Что судьба разожгла случайно.
Для двоих полыхал костер.
Как дымок, завивалась тайна
Под небесный святой шатер.
Было счастливо и покойно.
Кто же, кто же вспугнул покой?
Дни осиным тревожным роем
Прогудели над головой.
Прогудели да не задели.
Будто и не живу теперь.
Только сердце скакнет газелью,
Если кто-то вдруг стукнет в дверь.

* * *

Я на руке твоей,
Как облако – подушка.
И мы летим
В бескрайности любви,
Рождающей надежду.
Нам послушен
Ток времени
У вечности в крови.
Миг беспределен.
Грань его – разлука
Несет в себе отсчет
Нескорым дням.
Но ты со мной.
И в дверь не жду я стука,
Не жгу в окне
Призывного огня.

* * *

Два окошка в горнице
С видом на зарю.
Я, девчонка-школьница,
Маме говорю:
«Сшей мне, мама, платьице
С крылышками легкими,
Побегу на праздники
Я веселой тропкою
На большую улицу,
В карусель ребят,
Все пускай любуются,
На меня глядят».

Отсияла радугой
Школьная пора,
И сегодня радости
Больше, чем вчера,
Даль неповторимая
Заново расцвечена.
На заре любимому
Я шепчу доверчиво:
«Пусть у нас все ладится
До конца в судьбе,
А хочу я нравиться
Одному тебе».

* * *

Праздник! Через окно
Вижу опять тебя.
Нынче, вчера, давно
Любила я, не любя,
Воду лила в кувшин,

Чувствуя, что без дна,
А в тайниках души
Крепла, росла вина:
Если напрасно лить –
Канет в ничто исток.
Благо одно: хранить
Свежей воды глоток.
Дверь распахну: входи! –
Праздник сегодня мой –
Этим глотком воды
Я поделюсь с тобой.

* * *

Не оставь меня, дружок,
На скрещенье двух дорог:
Той, которая сбылась
Да с твоей, крутой, слилась
Под причеты первых вьюг,
Под колючий смех подруг.
Путь – равнина, путь – гора, –
Все, что начато вчера.

Дни, как поезд под откос.
Уж бурьяном холм порос.
От него наш дальний путь:
Не вернуться, не свернуть.
Путь – навстречу всем ветрам, –
Ищем вечных истин храм,

Что далеко и высоко.
Доберемся ли до срока?

* * *

Под куполом ненастных туч,
Когда пора затеплить свечи,
Пытаюсь вдеть в иголку луч
И вышить золотом свой вечер.

Прости мне, Боже, дерзкий всплеск
Истерзанных мечтой желаний.
Стежки… Стежки… Весенний блеск
Стирается незримой дланью.

Густеет вечер. Рвется нить.
Упорный труд мой кем-то проклят.
А мне так хочется любить
И чувствовать горячий отклик.

Жар золотистого куста
Хочу я втиснуть в рамки прозы.
Но – проступает простота,
А в ней – обугленные розы.

* * *

Последний месяц лета
На солнечном крыле,
Последний гром дуплетом…
В серебряной стреле,
Пронзающей мне душу,
Последнее «Прости!»
…А ты не верил в стужу
Друг к другу на пути.

* * *

Время вбило клин горячий
Меж зарей и тьмой.
А любовь глядит незряче
В золотистый зной.

От рождения слепица
Темень не клянет.
Зрелость, молодость – граница,
Но не для нее.

Увлекает без опаски
В ад поводыря.
Тайну предает огласке,
И во тьме горя.

Поводырь – ее служитель
И согбенный раб.
Ад огня – его обитель,
Боль – счастливый скарб.

Из огня крута дорога
И неровен шаг.
Сносят радостно ожоги
Умный и дурак.

Мой огонь в стеклянной раме
За преградой штор.
Не чурайся: этот пламень –
Не тебе костер.

Нищий духом да обрящет
Золотой исток.
Мучимый любовной жаждой –
Огненный глоток.

* * *

Я тебя потеряла,
Я тебя потеряла,
Будто с неба звезда
За окошком упала.
Звезды млеют в созвездьях,
Их на небе немало,
Но без той, что упала,
Темнее вдруг стало.
Без тебя мне теперь
Не смеяться, не петь,
Без тебя и огню
В очаге не гореть.
Отшумела любовь,
Отбродило вино,
Ты один мне судьба,
А другой не дано.

* * *

Со значением подарок –
без узора черный плат,
Возгорится вновь огарок
непредвиденных утрат.
Не заплачу и не спрячу
головы под тот платок,
По серёдке тонкой пряжей
вышью радужный цветок.
Над цветком взовьются птицы –
та ли радость? Тот ли звон?
Чернота засеребрится
по краям со всех сторон.

* * *

Миг упоенья. Миг забвенья.
Ток единения в крови.
Обычный смертный или гений? –
Один для всех венец любви.

ГРУСТНАЯ ПЕСНЯ

Лист багряный пал на землю.
Кончен бал.
Бог сегодня хлад и темень
Повенчал.
черт разлил меж туч застывших
Черный ром:
Все ему, – он выпил лишку, –
Нипочем.
Раскрутил с бесовской силой
Дождь и снег.
Во едину песню слил он
Плач и смех.
На земле, как наказанье,
Бесприют.
Ведьмы с мокрыми глазами
Лист метут.
Сколько золота остыло,
Пало в грязь…
Я вчера тебя любила,
Милый князь!
Ты вчера меня лелеял
И желал!
Отходную ветры спели.
Кончен бал.

* * *

На острове Майорка в тиши монастыря
Блистала для Шопена последняя заря.
Нет суеты парижской.
Сквозь солнечный туман –
Улыбка, как подарок, Авроры Дюдеван.
Страсть, умиротворение – в грозу цветущий сад.
Перо свое забросила кипучая Жорж Санд.
Рояль под Божьим сводом.
Бег вечного луча
По клавишам, а в звуках – и радость, и печаль.
Еще играет в жилах любви земной вино,
А небо предрешило вальс «До диез минор».
Сквозь нарастанье боли – волнующий призыв,
Колоратура взлета, отчаянья низы.
Трудна победа духа.
Сильно желанье жить!
В мелодии заминка, мелодия дрожит.
Вот-вот угаснут звуки...
О, молодость! – прощай…
Аврора поправляет на милом горностай.
Ее король – маэстро.
Ему – оваций шквал.
Ему весь мир вселенский – большой концертный зал.
А здесь он, словно мальчик, готов лишь ей играть.
Но пала тень косая на нотную тетрадь…
На острове Майорка померкла бирюза,
В тот час, когда закрылись на век его глаза.
Аврора… Что – Аврора?!
Она опять Жорж Санд.
Любовь ушла.
Остался писательский талант.

1998 г.

* * *

Прильну, дыханье затая.
Кто грешницу осудит?!
Твоя сегодня я. Твоя.
А завтра – будь что будет.

* * *

Мы на краю весенних дней – одни.
Как ворожейки, кругом ходят тучи.
Я – твой цветок. Сорви и изомни
Весенний цвет в руках, бесстыдно жгучих.
Лучи наутро из-за туч проглянут –
И лепестки измятые воспрянут.

* * *

За окном – ночная роздымь,
Лик луны-судьи.
Поцелуев тают звезды
На моей груди.
Наши бренные одежды –
Прахом в уголке.
Успокоились надежды
На твоей руке.

2. КО МНЕ ТЫ ЛЕТИШЬ СКВОЗЬ СИРЕНЕВЫЙ ДОЖДЬ

О НИКОЛАЕ ХУДОВЕКОВЕ

В Белорецке Николай Худовеков появился летом 1977 года. Устроился корреспондентом в районную газету «Урал». Захотелось ему, журналисту, поколесить по деревенской глубинке, рассказать о тех, кто работает на земле и кормит город хлебом, мясом, молоком.

Сослуживцы настороженно, с недоверием отнеслись к нему. Многим было непонятно, почему человек, за плечами которого институт стали и сплавов, факультет журналистики МГУ, успешная работа в газете «Магнитогорский рабочий», вдруг оказался в «районке». Уж не гастролёр ли?

Понеслись рабочие дни, недели, а потом и годы.

Неусидчивый по натуре, шебутной по характеру, острый на язык, одних он вдохновлял, других раздражал, был очень придирчив к пишущим абы как, боролся против штампов, уделяя особое внимание стилю.

Читатель сразу заприметил его очерки, репортажи, зарисовки. Рассказы о простых людях с их незатейливыми судьбами волновали искренностью, желанием помочь человеку справиться с неудачей и жить-преодолевать, крепко стоять на земле.

Он с блокнотом «катался» не только по главным дорогам района, но и по бездорожью пробирался в самые дальние, захолустные уголки. Первым из корреспондентов побывал в Мулдакаевском районе. Чтобы попасть в леспромхоз, надо было на поезде доехать до Уфы, потом – до Катав-Ивановска и на попутке дотрястись до Мулдакаево. А теперь туда от Ассов дорога построена. Всего – 30 километров, пешком можно прогуляться.

Николай Валентинович – заядлый путешественник не только районного масштаба. Заинтересовала его судьба журналиста Ярослава Голана, убитого бандеровцами, поехал на Украину, узнал много нового об этом патриоте и написал очерк. В Белоруссии побывал на западной границе, многое увидел и разведал, чтобы написать повесть о генерале Карбышеве, строившем танковую оборону перед началом войны. Повесть называется «Дубовые листья». Она была напечатана в «Урале».

Занимательные фантастические и детективные сюжеты его произведений были навеяны впечатлениями от путешествия по Средней Азии. Многие повести и рассказы прямо из-под пера попадали на страницы газеты. Редактор газеты Габдулла Гатиятович Гарифуллин ценил писательское творчество Худовекова, не жалел для него газетных полос.

Николай Валентинович – книгочей. Трудно назвать писателя, чье творчество прошло бы мимо него. Любимыми были Александр Грин, Рей Бредбери, Ярослав Гашек. Из действительного мира с рабочими буднями он легко и просто перешагивал в мир фантастики, выстраивал всевозможные коллизии, «участвовал» в необыкновенных событиях, ладил с придуманными героями, которые были прекрасны тем, что боролись за справедливость, утверждали любовь, страдали за неё, обретая счастье. Знаменитый писатель-фантаст Александр Казанцев написал хвалебную рецензию на приключенческие и фантастические произведения Худовекова. Такое же мнение высказали редакторы Уфимского книгоиздата. И в 1983 году вышла книжка Николая Валентиновича под названием «Ночь с открытыми глазами» с тремя повестями. Одна из них – «Гэха» – о змее, которой можно управлять с помощь биотоков, ну и – о любви тоже.

В повести «Последняя чаша» он воплотил свою мечту о том, что придёт время и люди, наконец, поймут, что значит МИР на земле и уничтожат не только смертоносное оружие, но и чертежи, научные разработки. Его герой – изобретатель

обыкновенного аппарата, который можно употребить как во славу жизни, так и во имя смерти. Об изобретении узнали те, кто жирует, наживаясь на войне, и вознамерились завладеть изобретением. Герой предпочитает умереть и унести с собой тайну изобретения.

Писал Николай Валентинович и стихи, но только по вдохновению. Как поэт, он чувствовал себя своим человеком в ГРИНЛАНДИИ, стране, выдуманной Александром Грином, где под алыми парусами добра и любви живут отважные люди с горячими сердцами, не умеющие держать камень за пазухой.

Самым его любимым человеком была мама – Александра Григорьевна, научный сотрудник лесохимического института в Химках. Николай очень обожал своего отца, Валентина Дмитриевича, участника войны, рано ушедшего из жизни. Отцу он посвятил большой очерк «Гражданин с большой буквы». Высокая гражданственность была свойственна и Николаю. Об этом свидетельствуют все его публикации.

Родился он в городе Архангельске, что на Северной Двине, в 1939 году. Детская память сохранила страшные картины бомбёжки во время войны и то, как бабушка волокла его, орущего от страха, в бомбоубежище. Во взрослой жизни самым почитаемым для него праздником был День Победы. Историю Великой Отечественной войны он знал, можно сказать, наизусть. С большой ответственностью собирал данные о героях войны, белоречанах, многое успел изложить в очерках.

Со временем Николай Валентинович стал в редакции своим человеком. Ценили его эрудицию. Называли «ходячей энциклопедией».

Вот так: приехал журналист в Белорецк из любопытства на одно лето, а остался на всю жизнь.

НИНА ЗИМИНА

Стихи Николаю Худовекову

* * *

Вы из Гель-Гью, а я из Зурбагана,
Там день и ночь шумит морской прибой,
Там места нет расчету и обману,
Дамоклову мечу над головой.

Но даже там бывают ураганы,
Надежда бьется чайкой над волной,
Сомнения – души сквозная рана –
Туманят мне сознание порой.

И все-таки я верю, верю в чудо
Назло всем неожиданным врагам.
И алый парус ветром ниоткуда
Прибьет к моим печальным берегам.

* * *

Под шепот шального осеннего ветра
Слагается сказка в скрипичном ключе.
Любимое танго, щемящее ретро
И тень, как кленовый листок, на плече.

А может быть, тень от руки ниоткуда
И полнится жаром сердечная дрожь.
Из небыли явно рождается чудо –
Ко мне ты летишь сквозь сиреневый дождь.

И я расправляю озябшие крылья
И рвусь всей душой за оконный проем
Туда, где мы новые звезды открыли,
Когда поднимались над миром вдвоем.

Вновь скрипки, вздыхая, смеются над нами.
Взволнованно ухает вслед саксофон.
Мы рядом, мы рядом. Касаясь крылами,
Сквозь вечность летим, сквозь серебряный звон.

И музыка в солнечном ретро-мажоре
Выводит забытый совсем вокализ.
Счастливое эхо в осеннем узоре.
И вечность, и миг воедино слились.

НА ДАЧЕ

Солнце, раздвинув сосновые лапы,
В окнах зазолотилось.
Ты гасишь ночную холодную лампу,
Что до утра дымилась,
Уходишь по солнечной тропке верткой
Снова в свои раздумья.
А я на веранде гремлю сковородкой,
И жарю тебе глазунью.
На стеклах веранды играют блики,
Радужно, знойно, томно.
На блюдце горит огонек земляники –
Ягоды неоскомной.
Ты мне насбирал ее возле сосен
С солнечных аппликаций.
Сладко в июле живет моя осень,-
Совестно признаваться.
К полудню читаю твои странички
Жизненных откровений.
А рядом отсчитывают синички
Дачное наше время.
Июльское солнышко скоротечно.
Гляжу на него незряче
И вижу: струится, лучится вечность,
А мы скоро съедем с дачи.

НА ОЗЕРЕ

Ургун. Беззлобная волна
По воле ветра дразнит берег.
А он, наивный, слепо верит,
Что лишь ему она верна.

А ей по нраву парус яхты,
Курс взявшей прямо на восход.
Пусть лилии разлукой пахнут
На зеркалах прибрежных вод.

Вещают чайки день счастливый,
Крылом срезая камыши.
Во время солнечных приливов
Все откровенья хороши, –

Я верю. Я имею право
К тебе лететь, презрев туман.
И ты в мечту мою направил
Свой голубой катамаран.

Вновь из-под ног уходит берег –
Как легкокрыло в мире жить:
В любовь непреданную верить
И преданно самой любить.

* * *

Пройти над пропастью – соблазн,
Не пошатнуться, не разбиться,
В тот берег намертво влюбиться,
Не отводя в испуге глаз
От жёрдочки, как от спасенья.
Уверенность – мой поводырь.

Какая глубь! Какая ширь!
И жизнь – на острие мгновенья.
Тонка жердинка, ох, тонка,
А берег дальний манит-манит.
Когда уверенность обманет,
Схвачусь рукой за облака!

* * *

Клавиши белые, клавиши чёрные –
Грустная песня, далёкая быль
В душу врывается призрачным вороном,
Взвихрив крылами прошедшего пыль.

Пыль золотая с крупицами медного.
Что уж скрывать? Было вдосталь всего:
К жарким губам сладость горна победного
Я подносила, трубила в него.

Звуки летели свободно и весело,
Но иссякало дыхание вдруг,
Я замолкала. Души моей песенность
Гасла, как гаснет оборванный звук.

Радости – горести. Всё перемешано.
Встречи – разлуки. Огонь и зола.
Цвет облетевший и всполохи вешние,
Первые соки по нервам ствола.

Жизнь продолжалась. И счастье несмелое
Вновь возвращалось на круги своя.
Клавиши чёрные, клавиши белые –
Песня тревожная, правда моя.

* * *

Распахнулись за шторами дали –
День на знойных ветрах изнемог,
Да и ветры уже приустали,
Ткнулись в жаркую пыль у дорог,
По обочинам никнут травинки,
В каждом стебле желания дрожь,
Чтоб по ближней небесной тропинке
Прокатился спасительный дождь,
Обнял землю, с ней слился едино,
Сил счастливых своих не щадя...
Неужель ты не знаешь, любимый:
Без тебя я – трава без дождя.

МЕТЕЛЬ

Гремит всю ночь балконный переплёт,
Метель, не унимаясь, веселится.
А я мечусь: ужель твой самолёт
Не сможет в этой мгле к огням пробиться?
А я молю, молю звезду: «Прожги
Завесу снега, засияй, ликуя!»
Но за окном по-прежнему ни зги.
В такую ночь и звёзды не рискуют.
Берусь за телефон: «Аэропорт?
Что обещает нам метеосводка?
Погода как?» – «Погодка – первый сорт!
На небе, видно, колобродит чёрт –
Нелётная! Нелётная погодка!»
Кого ещё просить? К кому бежать?
Метель совсем, наверное, взбесилась.
Осталось только терпеливо ждать.
Любить и ждать – вот всё, что мне под силу.

* * *

Зааркань мою душу –
Обуздай, укроти.
Слезы прячу в подушку.
Смех же к небу летит.
И неволя – свобода,
И свобода – тюрьма.
Посчитай мои годы.
Ах, я сбилась сама.
Перепутала осень
С восходящей весной.
Накрути мои косы
На кулак, добрый мой,
Подведи меня прямо
К зеркалам разных лет –
Солнце ярое грянет
И утихнет вослед.
В Зазеркалье былого
Видишь: я, да не та.
Ну и пусть – черноброва,
Без любви – сирота.
Ну и пусть – очи ясны,
Пусть высок выгиб лба,
Без тебя все напрасно.
Пусть коварна судьба.
Из-под черного неба
Вновь душа рвется прочь –
Ангел вытянул жребий
Мне себя превозмочь.

ПРАЗДНИК

Звонок. Распахиваю дверь:
Цветы – багряный праздник
Среди обид, среди потерь,
Среди других оказий.

Твоя улыбка – мой восторг,
А в целом – наша радость.
Убогий угол, как чертог,
В нем святость и парадность.

Я тихо, искренне молюсь
Земному совершенству
И даже смерти не боюсь –
Приму ее блаженство.

Ну а пока... пока я тут,
Пока грозится осень,
Вновь гладиолусы цветут,
И ты мне их приносишь!

В КОМАНДИРОВКЕ

Полка жесткая в общем разбитом вагоне.
Как легко без домашних, условных, но все же оков!
Под небритую щеку удобно подсунешь ладони –
Колыбель беспокойных, летучих и радостных снов.
И приснятся высоты, неведомые скалолазам,
И приснится царица несбывшейся давней мечты.
И любовное пламя охватит тебя, как проказа,
На своей же ладони, в объятьях ночной темноты.
Пусть и жестко, и тряско, но спится, как богу! –
сноровка
Обретать в неудобствах счастливый дорожный уют.

Возвращается явь на подернутых мглой остановках,
Где кого-то другого встречают иль преданно ждут.
А когда прояснятся реальные дали дороги,
Растворятся в неведомом самые вольные сны,
Вновь потянет, до боли потянет к родному порогу,
Чтоб небритой щетины коснулись ладони жены.

* * *

В толчее серых дней растворяется год.
Не везло мне вчера – завтра не повезет.
Ты только люби меня.
Если мир этот бренный оставит вдруг мать
Иль друзья перестанут меня узнавать –
Ты только люби меня.
Проживу без удачи, без маминых ласк,
Не смогу без твоих понимающих глаз,
Ты только люби меня.
Снова солнцем запахнет пустующий дом,
Караваем горячим, живым очагом.
Ты только люби меня.
И откроется истина – смысл бытия:
Стало быть, неслучайно на свете и я –
Ты только люби меня.

3. БАБЬЕ ЛЕТО ВСЕ ИЗ СОЛНЦА

Цикл стихов

* * *

Я – осень. Багряные краски
К лицу мне, влюблённой в закат.
Любовные добрые сказки
На новый слагаются лад.

И мой чародей неуёмный
С весенним рассветом в глазах
Уходит тропой потаённой,
Затерянной в лунных ночах.

Его приворотное семя
В душе прорастает быльём.
Ах, осень! – счастливое время
С холодным, бесстрастным огнём.

И кажется: всё уже спето
О ранней и поздней любви,
Но бабье горячее лето
Вновь путает мысли мои.

31 августа 2010 г.

* * *

Отсмеялось бабье лето
На серебряном мосту,
Золоченая карета
Вдаль уносит маяту.

Отсмеялось, как отпелось
На серебряных ветрах,
И рябиновая спелость
Пообмякла на губах.

Очи смеживает сонно
День – повеса из повес.
Но еще целует солнце
Синеву крутых небес.

Ну а ты проходишь мимо
Утихающего дня.
Я прощаюсь с тобой, милый,
Ты ищи весной меня.

* * *

Бабье лето. Бабье лето.
Токи радостного света
Из небесного окна.
Даль сентябрьская видна.
В красной радости рябина.
В золотистой паутине
Вязнет свежий ветерок.
Мне не надо ягод впрок
В пудре сахарной, в глазури.
Когда солнышко сощурит
Очи ясные свои,
Гроздь багряную сорви,
Поднести мне на ладони,
Как царице, что на троне
Ждет внимания царя.
Может, зря…
Намекни, что бабье лето –
Это рама для портрета

Со счастливым блеском глаз,
Любящих не напоказ.
Если я – в глазах твоих,
Если ты – в глазах моих,
Значит, счастье на двоих,
Токи радостного света
Увенчают бабье лето.

* * *

Теплыми лучами, как на спицах,
Бабье лето вяжет паутину,
Чтоб вписались радостные лица
В светлую осеннюю картину,
Чтобы одинокая судьбина
Превратилась в солнечную радость,
Чтобы двое шли дорогой длинной
В райский сад любви, а не из сада,
Чтобы осень яблочки срывала,
Позабыв о яблоке раздора,
А душа от счастья ликовала,
Видя рядом крепкую опору.
У замка разлук – свои секреты
На воротах зимнего забвенья…
Бабье лето – это бабье лето,
Чувственность, восторг и упоенье!

* * *

Валентине Махьяновой

Сентябрьские цветы, – в разгаре бабье лето, –
Смеется знойно-солнечный шафран,
И георгины в ярких эполетах
Еще не надломили гордый стан;
В парадно-пышной форме гладиолус,
И циннии невестятся в ряду.

А осень подает уже свой голос,
Аукается по утрам в саду,
Уже дохнула холодом на астры,
Обцеловала хризантем кусты…
Ты в мой покой рукой озябшей завтра
Забрось последней радости цветы.

* * *

Бабье лето! Бабье лето –
Серебро иль седина?
Золотистым нежным светом
Женщина освещена.

Сколько Ей – совсем не важно.
У Нее весенний взгляд.
Незабытый день вчерашний
Доброй славою богат.

А душа хранит секреты
Чародейки молодой.
Разыгралось бабье лето.
Лист багряный под ногой.

* * *

Как недолог праздник
Золота и света.
Ярким буйством дразнит
Очи бабье лето,
Сладостью желаний,
Горечью разлуки,

Горсть рябины ранней
Заплетает в звуки
Уходящих сказок
О счастливой доле.
Астры вянут в вазах.
Погрустнело поле
Радостных зачинов.
Кружит лист опавший –
Бабьих слез причина
О любви вчерашней.
Многое забылось,
Многому не сбыться.
В воздухе остылом
Поумолкли птицы.
Над листвою бледной –
Лишь дождя шуршанье.
Солнце – напоследок.
Ласка – на прощанье.

* * *

Бабье лето – это спелость
Сладкой ягоды в судьбе.
Птицам счастья звонко пелось
На веселой городьбе.

Золотистой паутиной
День вчерашний оплетен,
И в осеннюю картину
Ветер вплел багряный звон.

Бабье лето все из солнца,
Все из неги и любви.
И на древе жизни кольца
Вековечные видны.

Бабье лето – зонт ажурный,
Чтоб от гроз укрыть зарю.
По апрелю был дежурный.
Кто теперь – по сентябрю?

Глава II

РОССИЯ – КРАЙ БЕРЕЗОВОГО СВЕТА

О РОДИНЕ

У Отечества было отчество –
Из печной трубы дымом вышло...

1. МОЙ БЕЛОРЕЦК – НЕБРОСКИЙ САМОЦВЕТ

* * *

Россия – родина, мой светлый дом
В краю, где зори плещутся счастливо,
Где вербы тихо шепчут над прудом,
Сбегают сосны к речке торопливой.
За лесом – поле: края не видать,
А чуть поодаль высветились горы.
Тут у подножья гор мой светлый город,
И смотрятся века в речную гладь.

КАНТАТА

Посвящается Белорецку

1.

Речка Белая! Светлоокая!
От какого иду истока я
Сквозь суровую тьму времен?
Кто мой пращур?
Холоп иль вольный?
На каком распаханном поле
День грядущий взращивал он?

На земле средь лесов пустынных,
Зачиная нашу былину,
Зазвенел, задробил топор,
Эхом даль-глухомань озвучил.

Восемнадцатый век могучий
Покорял, обживал простор.

Домна выросла, а вкруг – избы…
Сколько здесь положили жизней
Мастера горновых работ,
Рудознатцы да рудокопы,
Купца Твердышева холопы
И российских твердынь оплот.

2.

Речка Белая! Светлоокая!
В твоих недрах время далекое
Отражается сквозь века,
Словно камень подводный – лежень.
Здесь, в Уральском краю медвежьем,
Взбудоражило мужика

Эхо вольницы Пугачева,
Окрыляло «царево слово»,
Справедливый грезился трон.
Крепостное качнулось право.
Салавата взлетела слава
Под жестокий булатный звон.

Оказалось то время на плахе.
Русь святая, рванув рубаху,
Окровавилась за царя…
От какого растем мы корня:
От того, что засох покорно,
Иль от веточки бунтаря?

3.

Речка Белая! Светлоокая!
Над тобою небо высокое
Да кресты повдоль берегов.
Пировала здесь воля-волюшка,
Свой покос убирало горюшко,
Не щадя удалых голов.

Русь худая в лаптях с онучами
Грозовыми ходила кручами,
Путь искала свой, без оков.
И в твоих водах год семнадцатый,
Распростившись тогда со святцами,
Кровь смывал со своих штыков.

«Вихрь враждебный, злобные силы»
Разгулялись по всей России,
Колокольный сорвали звон.
В Белоречье – краю медвежьем –
Разгоралась заря надежды,
Что искрилась с давних времен.

4.

Речка Белая! Светлоокая!
На восток и на запад окнами
Разрастается общий дом.
Здесь в краю зоревом, сосновом
Век двадцатый дорогой новой
Шел к звезде своей напролом.

Шел дорогою многотрудной.
Роковые военные будни
Закаляли его в пути.

Память вечная и признанье
Не вернувшимся с поля брани.
Нам их славу теперь нести.

И какое б тяжелое бремя
Ни слагало смутное время
Нам на плечи, едины в одном:
Чтоб хозяйкой, доброй, счастливой,
Благодать в каждый дом входила,
Чтоб богатым стал общий дом.

Речка Белая! Твоим именем
Назван город наш!
И ныне,
И присно, и во веки веков
Быть ему у твоих берегов!

* * *

Ничто не разлучит меня с тобою,
Мой край в венце уральских гор.
Шумит – поет высокий бор
Зеленым парусом над головою.

И Белая через плотину лет
Течет, как сталь по желобу, играя.
Не надо мне вовек богаче края:
Мой Белорецк – неброский самоцвет.

Зима здесь катится на снежной тройке,
Грачи весне пророчат праздник бойко,
С лукошком, полным ягод, ходит лето.

Здесь для души безмерное приволье,
Гостей всегда встречают хлебом-солью,
Слагают песни о любви поэты.

* * *

Во времена Великого Петра
И по его светлейшему указу
Рабочий люд сюда и мастера
Пришли –
И речка оживилась сразу:
Рубили избы,
В утреннюю рань
Катилось эхо бойко за проселок.
С трудом, но расступилась глухомань,
Когда рождался заводской поселок
На берегу встревоженной реки.
Уже дышала домна там, в низине,
И на скрипучих тачках мужики
Руду для печки-прорвы подвозили.
Среди угрюмых этих мужиков,
Я знаю, был и мой далекий предок.
Теперь меж нами больше двух веков,
В себя вобравших радости и беды.

* * *

Гляжу в иллюминатор самолета:
Мой Белорецк, мой тихий городок
Лежит в горах, как в чаше, что сработал
Данила-мастер, красоты знаток.

Края у чаши – россыпь малахита
С раздольными овалами низин,
Что речкой Белой, будто ниткой, сшиты
В единое из разных половин.

ИЮНЬ

Опять сирени половодье,
Волна вскипающих рябин,
Мой город, словно пароходик,
Вплывает в лето.
Дымный сплин
Уходит в небо голубое
Под огненное колесо.
А шум зеленого прибоя
Окатывает глубь лесов.
Веселых радуг самоцветье
В ту пору тянется с лугов,
И щедро пахнет долголетьем
Земля под бременем цветов.

ИЮЛЬ

Июльское малиновое утро,
Колокола зари зовут в луга.
Из-за горы восходит солнце круто,
Разводит голубые берега.
Легко идти по зоревой тропинке,
Купая взгляд в ромашковой дали,
Благословляя каждую былинку,
Полынный дух, идущий от земли.
Легко дышать на утреннем просторе,
Пока росу не тронул ветерок,
Не высушило солнце, а в узоре
Хрустальных капель плавится восток.
У перелеска прославляет вечность
Веселый хор ликующих пичуг.
Земля моя, родное Белоречье,
Любви моей незавершенный круг.

МАСТЕРА

Мустаю Кариму

В седой глуши времен здесь, на Урале,
Колокола из меди отливали
Колодники и вместо серебра,
Что полагалось в качестве прибава,
Вливали в пламень меди мастера
Тоску по небу, по лужковым травам,
По вольным нестареющим ветрам,
По птичьим неслабеющим крылам.

С тех пор не только на моем Урале
Колокола смеялись и рыдали,
И задыхались, прикусив язык,
Бессильно свесив головы со звонниц.
Безбожники крестились в этот миг.
А ветры улетали от околиц
И разносили колокольный звон
По всей округе с четырех сторон.

Звон теноровый, подкрепленный басом,
Прозвали россияне Божьим гласом
И верили: услышит человек
На перепутье или на рассвете
Звон колокольцев – то к любви навек,
А бас большого колокола – к смерти.
Коль все колокола разломят высь –
То крылья счастья увенчают жизнь! –

Нет ни цепей, ни боли – все отринет…
И ныне колокольный звон не стынет,
И присно, и во веки всех веков
В просторном небе и удушном склепе.
Знать, в душах колокольных мастеров,
Закованных в бессмысленные цепи,
Поэтов дар безвыходно томился
И с вечным небом в жарком звоне слился.

* * *

Струится речка, извиваясь резво,
Скрывая в волнах тайну слова «клад»,
С тех пор, как здесь, в горах, из руд железных
Сварили сталь, чтоб выковать булат.
Стальной булат на рынки мировые
Возил купец, не думая о том,
Что самый ценный клад – мастеровые,
Прославившие Белорецк трудом.

ЗЕМЛЯ УРАЛЬСКАЯ

С Уралом что сравнится красотой!
Между высоких гор – полей просторы,
И реки вольные, и светлые озера,
Как зеркала в оправе золотой.
Для песен здесь такая благодать.
Звенят они с восхода до заката.
Здесь самые веселые девчата –
Уралочки, что солнышку под стать.
Ресницы вскинут – будто васильки
Заплещутся навстречу, завлекая,
Иль угольками черными играя,
Вдруг обожгут, взглянув из-под руки.
Красавицы – сосеночек стройней,
Вольнее ветра и нежнее утра.
Природа края наделила мудро
Их красотой.
Кому ж тягаться с ней?!

* * *

Белоречье – край старинный,
Горы, реки и луга.
Небылицы и былины
Держит времени рука,
Выпускает в поднебесье,
Словно белых голубей,
И живут-бытуют песни
В милой стороне моей.
Солнце красное восходит,
В окна свет льет золотой.
Крепкий дух в моем народе
И характер боевой.
Дух ковался, как в горниле
Жесткой жизни и борьбы,
Но слагались сказки-были
О счастливых днях судьбы.
Здесь от отчего порога
Улетали времена.
Здесь широкою дорогой
Ходят осень и весна.

НА БЕРЕГУ БЕЛОЙ

Перелистай истории страницы
И с интересом оглянись кругом –
Откроются все были, небылицы,
Как радуга, что виснет над прудом.

И вспомнится великое начало
Уральской эпопеи всех времен,
Как королей железных дел венчали
В столице-матушке под колокольный звон.

А за спиною королей стояли
Те, кто руду копал и кто чугун варил.
Изделия из соболиной стали
Ценил с лихвой весь европейский мир.

И боль, и смуту – все сокрыла вечность.
Как знамя на ветру – величие побед.
И плавит солнце в тихих водах речка,
Храня в себе былины разных лет.

РЕЧКА БЕЛАЯ

Речка Белая, неспешная,
С легким ходом светлых вод,
Поднялась порою вешнею,
Разломала крепкий лед.

Лед держал ее невольницей,
Не стерпела плен она:
Льдины с гулким треском колются,
Речка Белая – вольна!

Повстречалась утром с солнышком,
Разыгралася волной:
«Здравствуй, здравствуй, воля-волюшка,
Я на «ты» теперь с тобой!»

Речка плещет светлой радостью
В милой сердцу стороне.
Семицветье спелой радуги
В каждой трепетной волне.

БЕЛОРЕЦК МОЙ

Белорецк мой – тихий город
По-над Белою рекой.
И кольцом зеленым горы
Сторожат его покой.

К горизонту – сосны морем.
Город, будто островок.
А на утреннем просторе
Заводской густой гудок.

Возвещает он округе,
Что трудом богаты дни.
И живут здесь металлурги,
Гордость города они.

* * *

Мой старый дом с цветами в палисаде,
Ты снишься мне уже в который раз,
Бревенчатый, с подковкой на фасаде,
Прибитой прочно дедом в добрый час.
Дед свято верил в благодать от Бога –
Построил дом, любовь в нем поселил,
Родились дети – к старости подмога,
Учил труду их, не жалея сил,
И радовался, как сыны умело
Косили травы, ставили стога,
Справляли славно пахотное дело,
Судьбу без страха брали за рога,
Пилить, строгать умели,
По металлу
Считались мастерами – хоть куда.

Родиться на земле для счастья мало.
Какое счастье – если без труда?..
Я с дедом по рассказам лишь знакома,
Но помню наизусть его завет.
А ту подкову на фасаде дома,
Как мне сказали, выковал сам дед.

* * *

Юрию Байбордину

Нарисуй мне, пожалуйста,
переулок Тукаева,
Флигельки, пятистенники
у пологой горы,
Белопенное облако,
золотистое марево,
Радость неутолимую
той далекой поры.

Нарисуй палисадники
и метель тополиную,
Время вешнее, бражное,
что похоже на сон.
Нарисуй удивленного
и немного наивного
Долгоногого мальчика
с волосами, как лён.

Нарисуй дни счастливые
на забавы и шалости
И девчонку, насмешницу,
что жила за углом.

С чудо-времени этого
так немного досталось нам,
И не только дома пошли
на безжалостный слом.

Не жалей красок радужных,
создавая идиллию,
Позабудь, что для контура
подходящ черный цвет.
Неужель отмечтали мы?
Неужель отлюбили мы?
Нарисуй в невозвратное
перелетный билет.

Там идут наши матери
с голубыми ведерками
Зачерпнуть в речке утренней
переливы зари,
Чтобы краски твои всегда
были яркими, зоркими,
Чтобы слово мое несло
теплый свет изнутри.
…Нарисуй невозвратное.

ЧЕВЕРЁВА УЛИЦА

Нижнее селение…
Здесь мой отчий дом.
Мальвы да смородина –
Под резным окном.

Чеверева улица –
прямо под горой.
Дворики, поросшие
пышной муравой.

У ворот на бревнышке
бабушка сидит,
Детство моё юркое
зорко сторожит.

А потом на бревнышке,
радость затая,
С первою любовью
целовалась я.

Торопились «ходики»
в доме на стене.
Дед Ефим, прищурившись,
улыбался мне:

«Не красуйся личиком –
будь душой красна.
Минет, отневестится
и твоя весна».

Нижнее селение –
на правом берегу.
В пруд уткнулась Белая
прямо на бегу.

Чеверева улица
забирает вверх
От пруда, где в знойный день –
плеск и детский смех.

И зимой на санках мы
мчались – э-ге-гей! –
От беспечной юности
до взрослости своей.

Чеверёва улица –
рядом две Зелёных,
Мостовая, Цеховая –
от горы на склонах.

С горки воды вешние
торопились вниз,
Бумажные кораблики
уносили в жизнь.

ДОБРЫЙ СВЕТ

Вздохну, зажмурюсь на мгновенье:
В глазах вчерашний добрый свет,
И душу полнит вдохновенье
Непобедимо, как рассвет.
Родные преданные лица
В крылатый час опять со мной.
Вновь вяжет бабушка на спицах
Узоры радости земной.
А дед смолит, готовит дратву
Потолще валенки подшить,
Чтоб мне тепло бежалось в завтра,
Во взрослую летелось жизнь.
Отец глядит почти сурово:
В проказах спуску не проси.
Шьет мама к празднику обнову –
Красуйся, доченька, расти…
Прошло немного и немало,
А тянет к тем святым огням.
Не раз весна цвела, ссыпала
Черемуховый цвет к ногам.

Любовь меня не обделила,
Но и беда не обошла.
Рвалась я к солнцу однокрыло,
Судьба дала вдруг два крыла.
Бывает, туча входит в тучу,
Гроза – в грозу, а я лечу
По траектории везучей.
Сама себе кажусь живучей,
Другим – страдалицей.
Шучу,
Что дед пришил мне дратвой крылья,
Узор на крылышках – земной,
А что мечта сдружилась с былью –
Тому родители виной.
Так и живу я в окруженье
Родных, даривших добрый свет.
И наплывает вдохновенье
Непобедимо, как рассвет.

НА РАЗЪЕЗДЕ СО ВРЕМЕНЕМ

Паровозик-пыхтун
под названьем «Кукушка»…
Чья-то память мелькнула
на дальней опушке.
Чья-то боль ускользает
по давней реке.
Чье-то счастье по шпалам
трусит налегке
От погасшей зари,
где осталась стоянка,
До разъезда со временем,
до полустанка.

В том вагонном окошке
застыло былое –
Трижды клятое кем-то
и трижды святое.
А вот в этом –
сегодняшний день многозвонный.
Паровозик свистит
вперемешку со стоном
И по узкоколейке
везет доброй ношей
В новый век
невозвратное милое прошлое.

2. ЭХО ДАВНЕЙ СТАРИНЫ

* * *

Зажги, о, Время, ярко свечи
Над бездной вечности –
И пусть
Воспоминаний тихий вечер
Несет торжественную грусть.

Поднимем занавес былого,
За веком век – в любом витке
Сокрыта наших дней основа,
Как завязь в будущем цветке.

* * *

Что ты знаешь о древней счастливой Руси,
Современница атомных взрывов? –
На приволье там белые кони паслись,
И туманились солнечно гривы.

Там из камня тесали, острили мечи,
Сечь за землю была беспощадной,
Хоть просторы такие: кричи – не кричи,
Не воротится эхо обратно.

Там из речки одной человек и зверьё
Пили воду от солнечных всплесков,
И русалки, смеясь, целовались с зарей:
Смех призывный тревожил окрестность.

С ранних лет там садились верхом на коня
И мужали, и полнились силой,
Поклонялись могучей свободе огня,
А у неба покрова просили.

Первой книгой живая природа была,
И читали её без запинки,
И в далеких походах она их вела
Прямо к цели по звездным тропинкам.

Там на солнечный круг выводили любовь
И на счастье метали свой жребий,
Красовался в кругу, верховодил любой,
Кто дарил своей любушке гребень.

У нее, словно дождь, золотые власа,
Поступь легкая, будто от ветра,
У нее голубые, как небо, глаза –
Через край в них – любовного света.

Я хотела б шагнуть из сегодняшних дней
В те, что грезятся нам, как начало,
От любви бы рожала я богатырей,
В колыбели грядущее наше качала.

Я б молилась о том, чтобы нам повезло
Сохранить первозданность природы,
А в душевных порывах – само естество,
Чтобы стать во все веки счастливым народом.

Июнь 2006 г.

* * *

Кругом, кругом ночная мгла,
Как пропасть. Жутко и тревожно.
И степь ковыльная легла
Коню под ноги чуткой кожей,

Дрожит, вздыхает и молчит,
Как полонянка молодая,
Что поперек седла лежит,
А конь летит, узды не зная.

Летит к рассвету, там есть стан
Кочевников, лихих и ловких.
Там вольность духа, сила там,
Там меч всегда наизготовку.

Конь бьёт копытом по заре:
Встречай, хозяин, полонянку,
Она в той золотой поре,
Когда раскрыт цветок-невянка.

Пей, скиф, нектар того цветка
Из розовой невинной чаши
И поцелуем, в такт глотка,
Закрой уста её кричащие.

Она твоя, твоя теперь –
И страсть, и нега, и блаженство.
Отказу робкому не верь.
Отказ – игра порывов женских.

Ты, скиф, на капище богов
Перуна, Велеса, Ярилы
Зажег звезду за ту любовь,
Что снова умножает силы.

Ты, скиф, жестокий и прямой,
С медведем меряешься силой.
И полонянка пред тобой
Покорно голову склонила.

Она твоя, твоя с тех пор,
Как ты измял её румянец,
Она готова на костер
Взойти, сплясать последний танец.

Она готова разделить
С тобой походы и тревоги.
Ты научил её любить
Тебя, как любят только боги.

О, скиф, цени волшебный дар
Любви, не знающей укора.
Покатится огнистый шар
К закату и угаснет скоро…

Кругом курганы да холмы.
А идол – просто пень трухлявый.
Ночь вынесла из древней мглы
На новый свет былую славу.

В веках та слава улеглась.
Ветра ей прохрипели тризну.
От скифов нам досталась страсть
Любить, как женщину, Отчизну.

Июнь 2006 г.

* * *

О, царь – огонь! Тебе поклон
От скифа самый низкий,
Тебя хранил он испокон
Как дар небесный, чистый
От грозной молнии – стрелы,
Наверняка разящей
Твердь вековой, седой скалы…
Огонь…
Очаг…
Скиф-пращур
Стрелу каленую ковал.
И тетива звенела,
Откатывался вражий вал –
Летели – пели стрелы,
И меч блистал – огонь в огне.
И жизнь, и смерть – едины.
Рождался в дикой стороне
Сказ о непобедимых.
Честь воина – глаза в глаза
Идти врагу навстречу,
Грудь в грудь.

И ярый меч-сквоза
Звенел огнисто в сечи.
О, царь – огонь!
Лихая страсть,
Неукротимость пыла
Свою тогда держали власть,
В сердца вливали силу.

Июль 2006 г.

ЦВЕТОК НЕВЯНКА

Из тьмы веков плывет в мой день
Древлянка молодая
В крылатой голубой ладье,
Плывет, меня пытая:

Какая я, и что во мне
От зорь, безумно ясных,
Что полыхают по весне,
А в непогоду гаснут.

Что значит солнце для меня,
Когда оно в зените,
Какую часть его огня
Сумела в сердце влить я,

В себе таю тот жар святой
И – не в убыток щедрость?
Лик у древлянки молодой,
Как вешний день без ветра.

На голове ее венок
Из радужных соцветий,
По середине стебелек
Невянки в лихолетье.

Какие б грозы ни цвели
На вечном косогоре,
В невянке – сила от земли.
И горюшко – не горе.

Летят, сменяются года,
Не убывает сила,
Живая вечная вода
Врачует боль России.

Невянка и в моей душе
Свои пустила корни,
Цветет на новом рубеже,
Влечет нас к высям Горним.

В обычной суете сует,
В угаре жизни новой
Струится чистый древний свет
По всей первооснове.

Август 2006 г.

* * *

Скифия – загадка из загадок.
Княжило там солнце на земле,
В пору золотого листопада
Выстилала путь самой зиме.

Не под силу даже Геродоту –
Ходоку по древним тем кругам
Разгадать суть странного народа,
Любящего солнце и снега.

Гвоздь звезды Полярной в небе мглистом
И Большой Медведицы крючок
Держат скифов средь зимы неистовой
Под метельный свист и шепоток.

То ли страсть их, то ли наваждение –
В дымной бане ветками с берез
Бить себя, хлестать в изнеможении
До счастливых и веселых слез.

Воины до самоотреченья,
Жизнелюбы до конца, взахлеб –
Это скифы. Времени течение
Идолам кромсало твердый лоб.

Расширялся круг земных познаний,
Небо раскрывало свой секрет.
И Андрей – апостол Первозванный,
В Скифию принес нетленный свет.

С Киевской горы до Валаама
И в пределах самых диких мест
Открывал неписанные главы
Воссиявший православный крест.

Сентябрь 2006 г.

ЭХО ДАВНЕЙ СТАРИНЫ

Гудят, гудят колокола
Во всех пределах,
Когда каленая стрела
Пронзает тело
Земли, воскресшей для любви,
Для мирной доли,

Когда горит, опять горит
Под хлебом поле,
Когда на солнечной ладье
Чужие весла,
Когда зерно не в борозде
И мимо вёсны.
Чужая воля – дерзкий нож
На всех дорогах.
Где свет, где тьма – не разберешь.
А за порогом
Счастливых дней, как плач и стон, –
Звон колокольный.
С открытых четырех сторон –
Раскаты боли.
Земля горит, душа болит.
Вновь клич народный:
«О, гой еси, богатыри,
За мир свободный!»
Свет-Илья Муромец встает
Над пепелищем
И врукопашную идет
На Идолища.
Добрыня правый меч вознес –
И нечисть пала,
Из-под чужих крутых колес
Русь снова встала.
Во всех веках есть свой Илья
И свой Добрыня.
И дышит Русская земля
Легко поныне.
И льется колокольный звон
Во славу Бога
С открытых четырех сторон
На всех дорогах.

ГУСЛЯР

Даль бескрайняя в глазах,
Борода курчавая,
Гусли вещие в руках
То звенят отчаянно,
То вздыхают – не сдержать
Слёзонек непрошеных,
И тревожит благодать
Душу по-хорошему.
То на струнах солнца луч
Пляшет скоморошную,
А то громы из-за туч
Заведут истошную –
И тогда хоть плачь – не плачь,
Проклиная долюшку,
И тогда хоть прячь – не прячь
От беды головушку…
Тут разбойник-Соловей
Свистнет – дуб повалится,
Там лихой Тугарин-Змей
Черной силой хвалится.
Как стрелой вопьется зло
В годы многотрудные,
Завздыхают тяжело
Гусли самогудные.
Не князья и не цари
Разведут кручинушку,
От земли богатыри
Возьмут святую силушку:
«Правый меч, в руках взыграй,
Расправляясь с ворогом!
Пахарь, в поле собирай
Вновь соху и борону».

Миру – мир! – святой наказ.
Небу – аллилуйя!
И польется добрый сказ
О Вольге с Микулою.
И подхватит хоровод
Песни величальные.
Под горюч-камень уйдет
Долюшка печальная…
И не молод, и не стар,
Без родни, без племени
С древних пор идет гусляр
По дорогам времени.

ЛЕТОПИСЕЦ

Правдиво четкое перо
В руках у летописца.
Невольник он или герой,
Темница иль светлица –
Его затвор от суеты
И от греха людского?
В тяжелом свитке все листы,
И золотом окован
Расклад событий жарких лет,
Когда шел князь на князя,
И мерк над Русью белый свет,
И было страшной казнью
Распятие самой любви.
Бурьянилось коварство.
И утверждались на крови,
Мечом держались царства.
Он, летописец, без прикрас
Писал живые главы.
Бесславье свой теряло час,
И ликовала слава.

То Суздаль – в гору, то Ростов,
То впереди смоляне,
То Новгород опять готов
Взять верх на поле брани.
И Ярополк – как ярый волк,
А то – как агнец тихий,
В душе – то к небесам рывок,
То боль – неразбериха.
То Мирослав, то вновь Мстислав
В миру победно княжат.
И Гореслав, и Болеслав –
Князья (точней не скажешь).
То Богом избранный Андрей,
То непокорный Юрий.
Блистали молнии мечей
В истоке смертной бури.
Был Борислав в борьбе слабак,
А Судислав покорным.
Порой над Русью солнца стяг
Казался дымно-черным.
То там, то тут гудел пожар,
Весь белый свет в опале.
То половцы, то тьма хазар
Нагайкой Русь хлестали.
Но под крылом святой зари
Дубинушку вздымали
До неба свет-богатыри
И нечисть разметали.
И Киев с Новгородом вновь
По-братски целовались.
Воскреснув, правила любовь,
И дали просветлялись.
И целовали Божий крест
На Новгородском вече

Князья, собравшись вновь окрест,
Чтоб Русь шагнула в вечность.
…У летописца рябь в глазах.
Свет от лучины дымной
Остался на листах в веках
Истории былинной.

3. ГОЛУБОЙ ЦВЕТОК В МЕДОВЫХ РОСАХ

СКАЗ О ВРЕМЕНИ

Деревянная Русь…
Жизнь текла в ней спокойно.
В тихой дреме росли вековые леса
И водилось зверье. Даже волка рукою
Гладь – не бойся его. А хитрюга лиса
Так сама тебе на плечи кинется бойко,
Обовьет ловко шею – готов воротник.
С бубенцами неслись во все стороны тройки.
«Эй! Пади!» –
С облучка гаркал рьяный ямщик.
Величавые реки несли плавно воды,
Меж крутых берегов струги резали гладь.
Говорящие щуки Емелям в угоду
Прямо в руки давали саму благодать.
Ах, какими везучими были Емели
Да Иваны, что мчались на серых волках
За невестами вдаль, сквозь дожди, сквозь метели,
Оставляя других, сердцем злых, в дураках.

Сказка сказкой. Мечтою богата Россия.
И смеялась, и плакала вдосталь всегда.
И пахала, и сеяла, жала, косила.
С вечной плетью стояли над ней господа.

По утрам плыли вдаль колокольные звоны.
И крестился народ, обратясь на восход.
А порой кулаком золоченому трону
Угрожал, утирая со лба горький пот.

Облака синеву, как в ладонях, качали,
Тишина обливала луга и поля.
А под грузом тревоги мирской и печали
Вкруг оси потихоньку вращалась Земля.

Старина стариной. Что прошло, то и мило.
Мы на сотни годов поумнели уже.
Вечный двигатель – время, и в том его сила,
Что стоим мы теперь на ином рубеже.

Опоясали Землю стозвонные рельсы.
В перестуке колес – эхо дальних дорог.
И уходят от пристани в синие рейсы
Корабли вокруг света на месячный срок.

Самолеты пронзают высокое небо,
Песня дружных моторов подвластна ветрам.
Стала былью теперь та искусная небыль,
Что далекие предки оставили нам.

В моде скорость и скорость. Торопятся люди
Обогнать дни и годы и вечность постичь.
Ветер странствий горячие головы студит.
Двадцать первого века разносится клич.

Может быть, в этом веке и будет раскрыта
Тайна вечности жизни, мгновенья секрет.
Разовьются века в нескончаемый свиток,
Не померкнет в глазах Божий радостный свет.

Прорастет наше время в том славной былиной,
А не горькой былинкой в графитной пыли.
И как сто лет назад, в небе клин журавлиный
Прокурлычет о вечности нашей Земли.

Вечны солнце и небо, весны озаренье,
Плеск ручья и реки под холодной луной.
И любовь – вечный парусник всех поколений
Над веселой, крутой, жизнь творящей волной.

Будет вечной Земля, если яркое небо
Не остудят ракеты, несущие смерть.
Ключ открытия вечности в поле под хлебом,
Над которым опять будут птицы звенеть.

И тогда не забудутся добрые сказки
Со счастливым концом. И, быть может, о нас,
В этом веке глядящих на небо с опаской,
Сложат в веке грядущем волнующий сказ.

* * *

Голубой цветок в медовых росах –
Это Русь в начале всех начал.
Дикий пращур в пять аршинов ростом
Нынешнее время утверждал.

Изобрел стрелу, топор и копья.
Изначальный цвет – под корешок.
Властелин земли с душой холопьей
Напролом в наш день сквозь время шел.

Каменные грады строил, храмы
Возводил почти под небеса,
Чтоб ему простился след кровавый
В час, когда закроются глаза.

Дикий пращур – господин прогресса –
Вот вершина долгого пути.
Не ему ли помогали бесы
Голубое чудо извести?

И теперь расплата – лихолетье.
По земле, истерзанной войной,
Кто-то скачет в золотой карете,
Кто-то пеший, с нищенской сумой.

Умный алчет и вина, и хлеба –
Чтоб неслась веселья карусель.
Дураку же благо – в звездах небо
Да лугов душистая постель.

Потому и мед в цветах негорклый,
Что такой дурак живет в веках.
И поныне свята поговорка –
Мир добра стоит на дураках.

РОССИЯ

Триптих

1.

– Кто ты, Девица-горбунья?
Отчего туманен взгляд,
Щеки впалы, губы вялы,
Голос тих, как снегопад?
– Я – земли Российской доля,

Я – хранительница боли,
Страстотерпица.
Батогами меня били
И на дыбу возносили –
Да не смертна я.
Кровенились топоры –
Задыхалась я на плахе,
В Аввакумовы костры
Шла, пытая душу в страхе.
Били-гнули – не сломили,
Чтобы в пол – покорный лоб.
За терпенье наградили:
Все мое богатство – горб.

2.

– Чья ты, Девушка-плясунья,
Голосистая певунья,
И лукава, и хитра,
На язык бойка, остра?
– Я – земли Российской воля.
На руках горят мозоли,
Я – работница:
На земле и под землею
Все взращу и все построю.
Но охотница
После праведных трудов
Покуражиться на славу, –
Эх, где наша ни бывала! –
Раззадорить молодцов,
Чтоб – огонь из-под подметок,
Чтобы – пыль до потолка.
Туго скрученных веревок
Моя вольная рука
Хоть знавала – не терпела
И потомкам не велела.

3.

– Кто ты, Матушка-черница?
Тихо крестишься десницей
Пред зарею со свечой?
За живот иль упокой
Ты кладешь поклоны низко?
– Память я земли Российской
Вековечная,
Проклятым – благословенье,
Сердце, разум, слух и зренье –
Человечность я.
За убитых в ратоборстве –
Чтоб России вечной быть,
За забытых на погосте –
Чтоб живое не избыть,
За святую верность долгу
Пред отеческой звездой
И за тех, кто был оболган,
Поплатился головой,
Ставлю я свечу. Аминь!
Каждый мне по крови сын.
Божий свет им на помин.

* * *

Синеокая княгиня
В сарафане из берез,
Зори алые витые
На концах пшеничных кос.
Разволнует ветер утром
Златокрылые поля,
Лес прозрачным изумрудом
Разыграется.
Пыля,

Сквозь века летит дорога,
Твой по ней неспешный шаг.
А судьба вселенским рогом
Катит обветшалый шар.
И заморские вассалы
На тебя свой пялят глаз –
В полонянки им запало
Взять княгиню напоказ
Развращенному соседу.
Там, за тридевять земель,
В прах сотрут твои победы.
Нет там Ванек, нет Емель,
И по щучьему веленью
Печь не ходит за порог.
Не цветет под лунной тенью
Вещий аленький цветок.
Там сорвут с тебя корону.
По каменьям разберут.
Журавли с печальным стоном
Клином взрежут осень тут.
Синеокая княгиня,
Ты в дороге не одна, –
Есть твой щит, твоя твердыня –
Это Ванькина спина.
Брод в огне отыщет махом,
Он на выдумку горазд
И последнюю рубаху
В год лихой тебе отдаст.
И Емеля – добрый малый –
Про свою забудет лень,
Если ты совсем устала
Сквозь века идти в наш день.
Ах, княгинюшка-княгиня,
Росная душа твоя –
В горьком кличе журавлином,
В сладких песнях соловья.

* * *

Тихой странницей, послушницей
Солнца, ветра и дождя,
Я пойду по летней улице
Вдоль России, не кружа
По околицам безверия,
По задворкам суеты.
Я легко идти намерена,
Где немятые цветы,
Где трава еще не кошена
Ни грозою, ни косой,
Где недобрыми подошвами
Не умят покров земной
И лежат поля ухожены.
Жаворонка легкий звон
Мне навеет дни погожие,
Прибыль блага – не урон.
Неужель судьбой обещано? –
Возвернусь, наплачусь всласть:
Жаворонок – пташка певчая
На Руси перевелась.

* * *

Деревенька. Ситцевые дали.
Выцветшая зелень на ветру.
И, как образ всей мирской печали, –
Старенькая церковь на юру.
Покосился крест. На колокольне
Голуби нашли себе приют.
В голубином золотом приволье
Тихим гласом ангелы поют.
Вслушайся – охватит душу трепет,
И тебе захочется взлететь,
Где святое солнце глаз не слепит,

Где колоколов пылает медь,
Сброшенных когда-то с Божьей выси.
Погребальный звон гудит в веках.
Старенькая церковь. Поклонись ей,
Поклонись – покайся во грехах.
Тень мелькнет, юродивый на паперть
Выскочит копеечку просить.
За его спиною Божья Матерь –
Щит, ограда всей святой Руси.

ЩИТ РОССИИ

Я возьму заплечную котомку,
Сотканную временем безмерным.
Русь Святая – ты в сердцах потомков,
Сохранивших истинную веру.

Я пойду дорогою нетленной
Сквозь тысячелетья напрямик.
Русь – ты страстотерпица Вселенной,
Со слезами лучезарный лик.

День крещенья для тебя погожий –
Ты Христу доверила себя.
Над тобой склонилась Матерь Божия –
Честь твоя и совесть, и судьба.

С того дня, высокого поныне,
(Каждый век по-своему суров),
Богоматерь – верный щит-святыня
От беды, от ворога покров.

В час глухой, в годину искушенья
Нисходило знаменье с высот,
По молитве жаркой – искупленье,
По страданью – помощь и оплот.

* * *

Русь часто называют голубою
За то, наверно, что в далекий век
Крестили россиян святой водою,
Зачерпнутой из сини быстрых рек,
А может быть, за то, что голубые
Березы обелисками стоят
На всех курганах со времен Батыя.
На всех холмах,
Где безмятежно спят
Защитники незыблемой России,
Творцы ее немеркнущих чудес,
И тихо смотрят звезды голубые
На их могилы с голубых небес,
А может, и за то, что голубые,
Клубясь, бегут дымки из труб домов,
А на приволье нивы золотые
Расписаны лазурью васильков,
В них голубые капельки росинок,
Искрясь, дрожат на тонких лепестках…
И голубеет вечная Россия
У россиянок в ласковых глазах…

РОССИЯ – КРАЙ БЕРЕЗОВОГО СВЕТА

Я – Россиянка.
Гордость,
Радость,
Нежность,
Восторг и солнце
В имени моем.
Россия – это вольность и безбрежье,
Высокий лучезарный окоем.

Россия – край березового света,
Край соловьиных в сто колен рулад.
В венке цветов здесь созревает лето,
Идя в сентябрь, в свой золотой закат.

Здесь катят реки голубые воды,
Перебирая стебли камыша.
Порой сурова красота природы,
Но и проста, как русская душа.

И я люблю ее степей раздолье,
Люблю могучий и радушный лес.
Вот почему стучится в сердце болью
Густая грусть рахманиновских пьес.

Понятна мне его любовь-страданье
К чете берез в тиши ржаных полей.
Мы грезим этим в странах чужедальних.
Чем дальше от России – тем сильней.

* * *

Вплетены ромашки в березовые косы.
Русь моя, Россия! – солнышко в глазах.
Легким ожерельем серебрятся росы,
Платье луговое в радужных цветах.

Знойно дышит лето на июльском взгорье.
Время золотое – ягоду сбирать.
Сладостным румянцем полыхают зори.
Красота небесная, Божия Благодать.

Легкокрыло тучка налетит-уронит
Жемчуга дождинок на медовый цвет.
Матушка-Россия дочери Февронии
Собрала в приданое луговой букет.

В тоненькой былинке есть земная сила,
Каждый цвет – во здравие и на радость всем,
Чтоб любовь, как птица, к небу воспарила
И опять вернулась в солнечной красе.

Петр и Феврония. Им венец венчальный
Ангелы сплетали из земных цветов.
И звучат поныне песни величальные,
А припев единый – Верность и Любовь.

8 июля 2010 г.

* * *

Княже и княгинюшки,
Лебеди-лебедушки.
Золотые крылышки –
Русская сторонушка.

Стрелами каленными
Золото пронзенное,
И слезой соленою
Вечность окропленная.

Сыновья и дочери –
Золотоголовые.
Радость, горе – в очередь.
Сказки, были – новые.

Пили мед до донышка,
Песни пели вольные,
И дорога к солнышку
Не была окольною.

Мужество и преданность,
Храбрость и бесстрашие
Громкими победами
Славят дни вчерашние.

А за день за нынешний
Я перед иконами
Помолюсь чуть слышно,
С низкими поклонами.

* * *

Отчий дом – голубая Россия.
Окна смотрят на светлый восток.
Окропила заря, оросила
Удаль праздников, святость постов.
Пироги в моем доме – не диво,
Чай да сахар для званых гостей.
Ладан теплится в чреве кадила
От вестей роковых, от чертей,
От беды – лихоманки гулящей,
От врага, чтоб ворот не крушил.
Был не дом, а медовая чаша,
Злато-серебро – щедрость души.
Вор прокрался. О, как это просто
Выкрасть душу: добро нараспыл.
Разворочена крыша, лишь остов
На костях православных застыл.
Кто-то плачет, а кто-то смеется.
Кто-то в этом свой ищет расчет.
Помолитесь за Русь! – вознесется
Новый дом, окна все – на восход.

ЕДИНСТВО

Лиловые астры в затейливой плошке,
От бабки доставшейся мне.
Пусть крест деревянный быльем запорошен,
Свет прошлого в нынешнем дне.

Вчера неизвестный гончар эту плошку
Из глины любовно растил.
Сегодня на залитом солнцем окошке
Цветы набираются сил.

Махровые шапки – селекции праздник.
Дивуйся и радуйся глаз!
В чем скрыто единство и что еще разнит
Вчерашний и нынешний час?

Любовь и надежда, святая причастность
К земле и сокрытым корням.
Расколется плошка – осыплются астры.
Как жить? – Кто поведает нам?

ЧУДО РУССКОЙ СТОРОНЫ

Балалайка – в три струны,
Как распятье вдоль стены
Новой доли, русской боли,
Удали и робости,
Скромности и гордости,
Песни беспечальной,
Радости венчальной.
Балалаечник на лавке
Свесил руки, как в удавке,
И сидит пьяней вина,
Не испить беды до дна.

Балалаечник, очнись!
Вдарь по струнам сверху вниз –
Рассыпь веселинку,
Поразвей грустинку,
Собери честной народ
Во единый хоровод,
Раззадорь все три струны,
Чудо русской стороны.
Вечная, исконная,
Песня неоскомная –
Боль и радость, в чудо вера.
Вдарь по струнам для примера
С перебором сверху вниз!
Балалаечник, очнись…

ГАРМОНИСТ

Одинокая деревушка
Со слепыми оконцами в прошлое.
Быстрокрылое время коршуном
Исклевало домов макушки –
И ютится теперь одиночество
Под худой золотушной крышей.
У Отечества было отчество,
Из печной трубы дымом вышло.
Развернет Пахомыч гармошку –
Завздыхает она про разное…
Заколодило в мир дорожку,
Забурьянило в сердце праздники.
Не вчера ль целовал он пылко
Свою любу под крики: «Горько!»
А теперь лишь луна-бобылка
С ним ночует до первой зорьки.

По-над крышей звезда падучая –
Стало небо холодным, хлипким.
У гармошки лады певучие,
А басы навсегда охрипли…

* * *

Под крылом небесной тишины
Деревенька – к прошлому мосточек.
У большой истерзанной страны
Нынче много позабытых точек.

Много заколоченных окон,
Где витает дух счастливой были.
Пришлый ветер с четырех сторон
К ним пути заносит снежной пылью.

Но еще маячат старики,
В их глазах не вянут незабудки,
Им еще горланят петухи
По утрам веселую побудку.

Есть еще в поленнице дрова,
Береста в заначке на растопку.
Но болит о старом голова,
Ходит память по заросшим тропкам.

Крутят, крутят давнее кино
Старики, в счастливый кадрик веря:
Будет день – вернутся под окно
Сыновья и скрипнут отчей дверью.

…Под крылом небесной тишины –
Деревенька средь берез и сосен,
Оттолкнувшись от прошедших весен,
Светлые досматривает сны.

НА ПОКОСЕ

Трава по пояс. Шелковая зелень
Ложится под косою в строгий ряд.
В мальчишеском, уже упругом теле
Поет усталость на особый лад.

От непривычки жжет огнем ладони.
Уходит вбок косьбы щербатый край,
А дед уже другой ряд гонит:
«Внучок, не мешкай! Пятки подбирай!»

А травы пахнут медом и росою.
Упасть бы под березами в тени,
Раскинуть руки на траве в покое.
А дед опять: «А ну-ка, не ленись!

Давай, внучок! Не шатко и не валко!
Коса легка. Держи ее в руках!»
Трава ложится изумрудным валом
Под серебро косы. И – снова взмах…

Присядет дед под вечер у березы,
В руках цветок пахучий разомнет,
Подумает и вместо папиросы
Тугую козью ножку завернет.

Соорудит шалашик для ночевки
И разведет попутно костерок.
А рано утром с дедовской сноровкой
Легко пройдется по лугу внучок.

И запоет коса. И в травах росных
Запляшут солнца первые лучи…
Так, набираясь силы на покосах,
Мальчишки превращаются в мужчин.

УТРО

Еще в луга не вышло стадо,
Туман разнеживает вязь,
Полощут горлышки прохладой
Пичуги, распевая всласть.

Еще людской не слышно речи,
В домах дремотно и тепло,
Заря благословляет певчих,
Даруя силу под крыло.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ОСЕНЬ

Осень даль золотую топит
В худосочных туманных дождях.
Обозначились волчьи тропы
К человеческому жилью.
Впотьмах
Может даже хозяин леса,
Не страшась ружейной пальбы,
Через изгородь из-под навеса
Уволочь телка.
На дыбы
Встанет, рыкнет, пойдет куролесить
Вдоль дороги: «Эй, трус! Берегись!
Не ходи в одиночку лесом –
Задеру! – прощай-прости, жизнь...»
Деревенская осень сварлива:
То размесит повсюду грязь,
То румяно-свежим наливом
Глянет в окна людей, дивясь
Их спокойному, доброму нраву.
Огороды пусты уже.

Во стогах луговые травы.
Нет ни ласточек, ни стрижей.
Деловитые воробьишки
Лишь чирикают из-за стрех,
Да порой будоражит затишье
Незлобивый собачий брех.
Приосанились бабы в ненастье,
Отдыхают от дел мужики.
Философски вновь дядя Вася
Смотрит в зиму из-под руки.
У него в подполье картошка
И поленница дров во дворе.
До весны осталось немножко,
Путь к ней осень кладет в октябре.
Весны бурные отшумели.
Но томится и жаждет душа
Под заливистый смех капели
Ранней свежестью подышать.
Дядя Вася немало пожил,
Знает в поздней охоте толк.
Испытал на собственной коже,
Что такое отшельник-волк.
Без ружья на туманной зорьке
Ходит слушать рябчиков свист.
Средь березок, как осокорь, он.
Под ногами опавший лист.
Позади давно бабье лето,
Впереди – туманная муть.
Сжав до боли в зубах сигарету,
Заспешит он в обратный путь
По тем самым, по волчьим тропам.
Мир – дороге… Небу – любовь…
Осень даль золотую топит
В той реке, где нет берегов.

В МАЛОСНЕЖЬЕ

Тужит бабка Елена,
Что снега повыпало мало,
И озимое поле,
Как плешь, на морозных ветрах.
Если б с края до края.
Хватило ее одеяла,
То укрыла б им поле,
Чтоб жизнь сохранилась в ростках,
Чтобы дружные всходы
Густели под солнышком вешним,
Чтобы в срок на току
Зашумел урожая зачин.
Помнит бабка Елена то время,
Когда вперемежку
Лебеду с отрубями затеяв,
Пекли калачи.
А теперь – в гору жизнь,
На хрусталь и на золото мода.
Но ценнее зерна
Ничего не родила земля.
Потому бабка тужит
И благостно молит природу,
Чтобы снегом пушистым
Укрылись теплее поля.

НАШЕ ПОЛЕ

Из пепла дней взнесись, душа,
Над полем маяты.
Где Горе ставило кресты,
Обычный путь верша.

Где Радость, пепел разметав,
Растила свой цветок,
И в пляс пускалась Суета
Под дедовский рожок.

А по цветам да по крестам, –
Счастливый час, восстань! –
Любовь, наивна и чиста,
Свою сбирала дань.

Над полем жизни в мир иной
Уносят облака
Все, что ниспослано Судьбой.
Щедра ее рука.

* * *

Земля живая – это пашня,
Парная, ждущая зерно.
Ядреным соком снег вчерашний
В ней колобродит, как вино.

Играют силы, копят нежность.
Ростки проклюнутся едва –
И зацветет над полем свежесть,
Вдохнешь – кружится голова.

Дожди и солнце всходы холят.
Ты, человек, свой долг верша,
Храни от разных болей поле:
Земля ранимей, чем душа.

* * *

Ах, Ярославна, Ярославна…
Минуя суетность, тщету,
Идешь ты с вечностью на равных,
Судьбы означив высоту.
В далеком времени и близком,
Без спора на смерть и живот.
Ты – это жены декабристов.
Ты – это все, кто верно ждет.
Но…
В этом «но» есть обреченность
На пустоту и бесприют –
«Автомобильные» девчонки
Тебя сегодня предают.
Тебя – в себе.
Потом жалеют.
Ну а пока – стыд за порог,
Наводят грим, ресницы клеят.
Шик-блеск.
Собой беспечный торг.
Чтоб через край да прямо в бездну,
Пресытив тело и глаза.
Запаздывая, грянет трезвость,
Как очищения гроза.
И прояснятся дали в главном,
Но отдалится горизонт,
Где свято имя Ярославны
И свет любви – не на сезон.

* * *

Сын.
Ненагляда.
Крепок. Ладен.
Ишь, вырос! – койка коротка.
Мать по макушке тихо гладит
Его, уснувшего,
Рука
Скользит взволнованно.
Боится:
Проснется – и покинет дом.
Всю ночь сидит над ним, как птица,
Распластанная над гнездом,
Чтоб ветры – мимо,
Бури – мимо.
Пусть сыну дышится легко.
Она с улыбкою счастливой
Сготовит завтрак:
Молоко,
Лепешки, каша из овсянки.
Сладка ей эта канитель.
На печке сушатся портянки,
Висит на гвоздике шинель.
Рассвет в окошке серебрится –
Перевела часы назад.
Понежится пусть, отоспится
В коротком отпуске солдат.

1990-ый ГОД

Колесо истории
катится вперед.
Лошадь крутобокую
запрягает год.
Цокают подковы –
рысь или аллюр,
В состязаньях века
самый сложный тур:
Честь или бесчестье?
Радость или боль?
Вечное терпенье
или славный бой
За добро, за благо
мирных светлых зорь?
К черту или к Богу
обращенный взор?
Кто с кнутом возницы?
Кто простой седок?
Которая прямее
средь больших дорог?
Множество загадок.
Как ответ найти?
Цокают подковы –
новый год в пути.
Добрая лошадка,
неизменный друг,
К финишу столетья
на последний круг
Вывези нас с миром,
хоть и тяжек воз
И крута дорога
до счастливых звезд.

* * *

Наше время с европейским лоском:
Макияж, наряд от кутюрье,
Имидж зачастую не по росту,
Один – босс, другой – его курьер.

Простота ушла из обихода,
В мыслях тоже европейский стиль,
И картинки жизни из народа –
Только историческая быль.

Пятистенный дом, крыльцо резное,
Примулы букетом на окне,
Стол накрыт скатеркой кружевною,
Фотоснимки в рамках на стене.

А в святом углу под образами –
Белоснежный вышитый рушник,
По краям куст розы с петухами…
Тишина в дому, любви родник.

Черпай из него – не убывает
Благодать для страждущей души.
У крыльца Дружок хвостом виляет,
Видя, как хозяин в дом спешит,

В кирзачах, в рубахе нараспашку,
От земли и неба его стать.
А хозяйка, ясной зорьки краше,
Вышла на крыльцо его встречать.

В сенцах притулился рукомойник
С голубой колодезной водой.
Убывает солнечная знойность
Под поющей ледяной струей…

Кто-то скажет: быт сермяжный это,
Nostalgi по древней худобе,
Темка для тоскующих поэтов
По печной, с витым дымком трубе.

На дворе космическая эра,
И компьютер в дело запряжен.
Лишь в него, как в Бога, нынче вера,
И любовью тоже правит он.

Соглашусь. И все-таки, сознайтесь,
Европейским меркам вопреки,
Чище, проще были, без зазнайства
Жили наши с вами старики.

* * *

Не зная песен, не понять России, –
Хотя на слух и немудрен напев, –
Есть в них разгул народной доброй силы,
И боль, и радость, и любовь, и гнев.

Лихим задором песни душу дразнят,
А заразив весельем, манят в пляс.
В них до сих пор мятежный Стенька Разин
Души размахом покоряет нас.

И знаю я, что в будущих столетьях
В разгуле ритмов, будто невзначай
Во славу жизни, не в угоду смерти
Опять затянет «Ворона» Чапай.

Как прежде выйдет на берег Катюша,
Мелькнет платочек синенький опять.
И вся Земля напевы будет слушать,
В согласье с нами лихо подпевать.

НАКАЗ

Далекий путь – нелегкий путь.
Отдав поклон, поцеловал сын на прощанье мать:
«Скажи, родная матушка, что мне в дорогу взять?»

«Далекий путь – тернистый путь.
Подкуй коня, возьми овса, корми коня овсом –
Он понесет тебя вперед, не тронутый хлыстом.

Далекий путь – безвестный путь.
О доброте не позабудь, всего нужней она –
И не захлопнут пред тобой ни двери, ни окна.

Далекий путь – опасный путь.
Но дома ты оставь ружье, на гвоздь повесь клинок –
И не придется мне тебя оплакивать, сынок».

Обратный путь – счастливый путь…

Во всех веках есть свой Илья
И свой Добрыня.
И дышит Русская земля
Легко поныне.
И льется колокольный звон
Во славу Бога
С открытых четырех сторон
На всех дорогах.

4. КОЛОКОЛА РОССИИ

1.

Русь моя!
Лес бескрайний да пажити,
Где буренки послушны кнуту,
И ветра, как разгульные стражники,
На дорогах вершат правоту,
А в степях песнь ведут заунывную,
Над полями, где колос ржаной,
Плачет небо полынными ливнями,
Смехом давится солнышко в зной.
В городах голосистые ярмарки –
Можно совесть продать,
Честь не купишь взамен,
А беду не задаришь подарками,
Нищету, как и воздух,
Не взвесит безмен.
А на людных местах –
Представленья потешные:
Скоморохи себе добывают на хлеб.

Здесь – одни на коне,
А другие – век пешие.
Их глазами глядит
Русь моя солнцу вслед.
Русь – печальница.
Русь – молчальница.
Языкастым – жестокий укрот
Иль могильная усыпальница…
Славен, славен безмолвный народ.

2.

Букашка, человек – все Божья тварь.
Великий грех – сгубить живую душу.
Бьет в колокол тревогу пономарь:
Беда! Беда! Беда!
Послушно
На колокольный зов бежит народ
И ломит монастырские затворы.
А колокол зовет, зовет, зовет.
В палатах царских завелись не воры,
Здесь пролита младенческая кровь,
Убийца, супостат дьяк Битяговский
Привел старуху-смерть под этот кров,
Вложил ей в руки острый нож, не косу.
Царевич Дмитрий!
Мщенье за тебя! –
Приспешники царя Бориса биты,
Им смерть послал народ, а не судьба.
И зло на зло пошло.
Все были квиты.

3.

Потом вершил свой суд здесь государь.
Весь Углич на свидетельство опрошен.
Распят на колокольне пономарь,
А колокол-смутьян на землю сброшен
И бит плетьми по бронзовым щекам.
Сочила кровь истерзанная бронза.
Потом же в назидание векам
Язык его был вырван да навозом
И вымазан.
Проклятия канон
Над безъязыким телом прочитали.
На колымаге под причетный стон
В позорную опалу отослали.
Не лошади тянули эту кладь
В сибирский сумрак по дороге жуткой.
О, Господи, прости! –
Но как сказать?
У тяглецов не языки – обрубки.
Колеса стонут.
Мужики молчат
В упряжке вместо лошадиной силы.
Одни уже обочь пути лежат,
Другие тянут колокол России.
Пока он безъязыкий, на боку.
Но будет время – к небу вознесется.
Не раз уже случалось на веку,
Когда и обезглавленный смеется,
Когда и безъязыкий – да поет,
Берет топор возмездия безрукий…
Молчит, молчит униженный народ,
Пока считает Божьей карой муки.

4.

Душа людская в этом мире – странница.
В один день – госпожа,
В другой – раба.
О, Русь моя! Печальница-молчальница.
Твои колокола – твоя судьба.

5.

У Российской истории
длинные главы.
Поминальные свечи по жертвам
горят испокон.
Тот, кто сверху тебя, –
тот и царь, тот и правый,
На салют и фанфары
диктует заказ тоже он.
Поперек ему кто –
тот на дыбе, на плахе.
С тайным вздохом
встречает последний рассвет.
И поют голосистые русские птахи
на крестах.
На иных же могилах
креста давно нет.

Но летят в даль времен
колокольные звоны.
В них и память, и боль,
Божий праведный Глас…
Лишь спустя триста лет
возвратили из зоны
Этот колокол вещий
в музей напоказ.

Справедливость ликует.
В российских пределах
Подорожную ей выправляют
лишь задним числом.
Отгорела душа,
откипела
да и отлетела…
Прохрипели ветра на распутье
прощальный псалом.

6.

Колокола. Святые голоса
От синей выси, с птичьего полета.
Их музыкант переложил на ноты,
Поэт облек в живые словеса.

Заговорила Русь на маскарадах
Средь аристократических светил
Мужичьим басом, что не ведал склада,
А как прикажут, так и говорил.

На ярмарках запела Русь частушки, –
В них колокольцев страстный перебор.
Держи, прохожий, ушки на макушке,
Смекай, что значит честь, а что – позор.

Не тем, кто держит верх, слагались гимны,
Симфонии писались не для них,
И в разговор, пустой, порой интимный,
Врезался душу бередящий стих.

Тревога и прозренье, того мало –
Зов к воскрешенью слышался в стихах.
Как углический колокол, в опалу
Поэтов увозили в «воронках».

Колокола переливали в пушки,
Чтоб безъязыким время шло вразнос,
Чтоб глад и злато разъедали души.
А что еще? Кто он, народ? – навоз.

7.

Вселенское прозренье не для них,
Кто на току молотит жизни колос.
У красных стен расстреливали стих,
На лобном месте распинали голос.

Поэты умирают на земле,
А голос продолжает жить на небе,
Как колокольный звон живет во мгле
До той поры, пока он непотребен.

Пока земным богам подносят лесть
В хмельном бокале блеска золотого,
Пока плетьми секут людскую честь…
И да воскреснет попранное слово!

Придет как откровенье всех времен,
Распятых в боли, вознесенных к Богу.
Русь возродит свой колокольный звон
И волю даст божественному слогу.

И будет пономарь – в душе поэт –
Звонить к заре святого обновленья.
Двадцатый век уже сошел на нет,
Век смут и войн, и духа воскрешенья.

Он много раз замешан на крови,
Но к солнцу не потеряна дорога.
Живет народный колокол любви
К земле своей и отчему порогу.

8.

Мой день сегодняшний не лучше прежних.
И властолюбцы в силе, и рвачи.
А в честном сердце – колокол надежды
И добрых дел волнующий зачин.

И пусть умолкнет колокол-предвестник
Великих смут и горестных расплат.
О, Русь моя! – страна извечной чести.
Твой путь вперед с оглядкою назад.

Что ни верста – то братская могила
Защитников отеческих широт.
Кто к нам с мечом… – тот от меча и сгибнет.
О, Русь моя! Народ тебе – оплот.

Бескрайние леса, поля и степи.
Вновь солнце покоряет свой зенит.
Величие земли нам глаз не слепит.
Оно в душе, как солнышко, горит.

О, Русь моя! Земля народной воли!
Шумит листва единого ствола.
А над судьбой и в радости, и в боли –
Твои ко-ло-ко-ла…

СОДЕРЖАНИЕ

АВТОБИОГРАФИЯ 5
ПРЕДИСЛОВИЕ 9

ГЛАВА I
ПОЛОЖУ ГОЛОВУШКУ НА ТВОЕ ПЛЕЧО

О Любви

1. КОРОЛЕВА Я, КОРОЛЕВА, МОЯ ВОТЧИНА – ЛУГ В РОМАШКАХ

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ 23
«О, Госпожа Любовь! – царица света...» 24
«Тихий вечер, как в начале...» 24
«Я хочу тебе присниться...» 25
«Жребий выпал. Так тому и быть...» 26
«Твой поцелуй – полынь...» 27
«Королева я, королева...» 27
«Благословите женщину-весну...» 28
«Милый друг, подари мне лесную тропинку...» 29
«В проеме освещенного окна...» 29
«Кто ты мне? – не друг и не любовник...» 30
«Я бросаю поленья в остывший очаг...» 30
«Луна за собой потянула шлейф ночи...» 31
«Сегодня добрый нежный взор...» 31
«На плечах – твоя рука...» 32
«Верь не верь: я умею летать...» 32
«Убери календарь...» 33
«В твоих словах – тоска...» 34
«Я лечу к тебе на одном крыле...» 34
«У моего порога высокая ступень...» 35
«Положу головушку на твое плечо...» 36
«Ты – моя быль с несчастливой развязкой...» 36
«В золотые оделась меха...» 36
«Не орлица я по натуре...» 37
«Пропасть и небо. Пропасть и небо...» 38

«Заболей, пожалуйста, мной...» 39
«Мой ангел, я тебя зову...» 40
«В моей душе растет тоска...» 41
«Тебя я выдумала! Да...» 41
НАСТРОЕНИЕ 42
ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ НА ОДНУ ТЕМУ 43
«Тебя мне обещал вчерашний день…» 44
ИКЕ 45
«То ли блажь, то ль закон...» 46
«Вот опять весенняя распутица...» 46
«Ты приходишь в мой сон...» 47
«Мой единственный, мой милый...» 47
МИСТИКА 48
«Я подарю тебе нежность...» 48
«Забор из солнечного леса...» 49
«Держусь я за тебя, как за соломинку...» 49
«Я огражу тебя от боли...» 50
«Возьми мою холодную ладонь...» 50
«Растянувшись над покатой сопкой...» 51
«Князь ты мой – хмельная голова...» 51
СТРАННЫЙ МОНОЛОГ 52
«Ушла любовь. Связь времени разъята...» 52
«Мне тебя не миловать...» 53
«Нетрудно в круг вписать квадрат...» 53
СТАРИННЫЙ МОТИВ 54
«Когда ж в душе твоей, всем холодам назло...» 54
«Я – твой снег, топчи меня ногами...» 55
«Вечер к ночи клонится...» 56
ОТКРОВЕНИЕ ГРЕШНИЦЫ 56
«Как темен и тянуч бальзам...» 57
УБИТАЯ ЛЮБОВЬ 57
«Я хожу в смирительной рубашке...» 58
«Красная скрипка. Солнечный свет...» 59
СОНЕТ 60
«Я прощаюсь с тобой навсегда…» 60
«Отрекаешься – отрекайся...» 61
«Я на руке твоей, как облако – подушка...» 61
«Два окошка в горнице...» 62

«Праздник! Через окно...» 62
«Не оставь меня, дружок...» 63
«Под куполом ненастных туч...» 64
«Последний месяц лета...» 64
«Время вбило клин горячий...» 65
«Я тебя потеряла...» 66
«Со значением подарок...» 66
«Миг упоенья. Миг забвенья...» 67
ГРУСТНАЯ ПЕСНЯ 67
«На острове Майорка в тиши монастыря...» 68
«Прильну, дыханье затая...» 69
«Мы на краю весенних дней — одни...» 69
«За окном — ночная роздымь...» 69

2. КО МНЕ ТЫ ЛЕТИШЬ СКВОЗЬ СИРЕНЕВЫЙ ДОЖДЬ
О НИКОЛАЕ ХУДОВЕКОВЕ 70
СТИХИ НИКОЛАЮ ХУДОВЕКОВУ
«Вы из Гель-Гью, а я из Зурбагана...» 73
«Под шепот шального осеннего ветра...» 73
НА ДАЧЕ 74
НА ОЗЕРЕ 75
«Пройти над пропастью – соблазн…» 75
«Клавиши белые, клавиши чёрные…» 76
«Распахнулись за шторами дали…» 77
МЕТЕЛЬ 77
«Зааркань мою душу…» 78
ПРАЗДНИК 79
В КОМАНДИРОВКЕ 79
«В толчее серых дней растворяется год...» 80

3. БАБЬЕ ЛЕТО ВСЕ ИЗ СОЛНЦА
(Цикл стихов)
«Я – осень. Багряные краски...» 81
«Отсмеялось бабье лето...» 81
«Бабье лето. Бабье лето....» 82
«Теплыми лучами, как на спицах...» 83
«Сентябрьские цветы, – в разгаре бабье лето...» 83
«Бабье лето! Бабье лето....» 84
«Как недолог праздник...» 84
«Бабье лето – это спелость...» 85

ГЛАВА II
РОССИЯ – КРАЙ БЕРЕЗОВОГО СВЕТА

О Родине

1. МОЙ БЕЛОРЕЦК – НЕБРОСКИЙ САМОЦВЕТ

«Россия – родина, мой светлый дом…» 89
КАНТАТА 89
«Ничто не разлучит меня с тобою...» 92
«Во времена Великого Петра...» 93
«Гляжу в иллюминатор самолета...» 93
ИЮНЬ 94
ИЮЛЬ 94
МАСТЕРА 95
«Струится речка, извиваясь резво...» 96
ЗЕМЛЯ УРАЛЬСКАЯ 96
«Белоречье – край старинный...» 97
НА БЕРЕГУ БЕЛОЙ 97
РЕЧКА БЕЛАЯ 98
БЕЛОРЕЦК МОЙ 99
«Мой старый дом с цветами в палисаде...» 99
«Нарисуй мне, пожалуйста, переулок Тукаева...» 100
ЧЕВЕРЁВА УЛИЦА 101
ДОБРЫЙ СВЕТ 103
НА РАЗЪЕЗДЕ СО ВРЕМЕНЕМ 104

2. ЭХО ДАВНЕЙ СТАРИНЫ

«Зажги, о, Время, ярко свечи...» 105
«Что ты знаешь о древней счастливой Руси...» 106
«Кругом, кругом ночная мгла...» 107
«О, царь – огонь! Тебе поклон...» 109
ЦВЕТОК НЕВЯНКА 110
«Скифия – загадка из загадок...» 111
ЭХО ДАВНЕЙ СТАРИНЫ 112
ГУСЛЯР 114
ЛЕТОПИСЕЦ 115

3. ГОЛУБОЙ ЦВЕТОК В МЕДОВЫХ РОСАХ

СКАЗ О ВРЕМЕНИ 117
«Голубой цветок в медовых росах...» 119

РОССИЯ (триптих) 120
«Синеокая княгиня...» 122
«Тихой странницей, послушницей...» 124
«Деревенька. Ситцевые дали...» 124
ЩИТ РОССИИ 125
«Русь часто называют голубою...» 126
РОССИЯ – КРАЙ БЕРЕЗОВОГО СВЕТА 126
«Вплетены ромашки в березовые косы....» 127
«Княже и княгинюшки...» 128
«Отчий дом – голубая Россия...» 129
ЕДИНСТВО 130
ЧУДО РУССКОЙ СТОРОНЫ 130
ГАРМОНИСТ 131
«Под крылом небесной тишины...» 132
НА ПОКОСЕ 133
УТРО 134
ДЕРЕВЕНСКАЯ ОСЕНЬ 134
В МАЛОСНЕЖЬЕ 136
НАШЕ ПОЛЕ 136
«Земля живая – это пашня...» 137
«Ах, Ярославна, Ярославна...» 138
«Сын. Ненагляда. Крепок. Ладен...» 139
1990-й ГОД 140
«Наше время с европейским лоском...» 141
«Не зная песен, не понять России...» 142
НАКАЗ 143

4. КОЛОКОЛА РОССИИ 144

«Нельзя жить с опущенными крыльями. Крылья должны быть расправлены. Любой человек должен если не летать, то хотя бы иногда отрываться от грешной земли».

Нина ЗИМИНА

По моей молитве утром
Бог распахивает двери
В день надежды, светлой веры,
Что мой мир устроен мудро,
Что душа моя, как птица,
Реет там, где света много.
Там и радости сторицей –
Это дар святой от Бога.